

Муниципальное казённое учреждение культуры
«Подосиновская межмуниципальная библиотечная система»
Подосиновская центральная библиотека им. А. А. Филева
Приход храма Рождества Пресвятой Богородицы пгт Подосиновец

ПЁТР ПОПОВ: ДОСТОЙНО ЖИТЬ В ЛЮБЫЕ ВРЕМЕНА...

Подосиновец
Киров
2024

УДК355.292'1941/1945'

ББК 63.3(2)622,7+54.5д

П 30

П 30 Пётр Попов: достойно жить в любые времена... : Сборник воспоминаний : 12+ / Сост. Н. А. Боровская. – Подосиновец ; Киров : КОГБУК «КОУНБ им. А. И. Герцена», 2024. – 80 с., фот.

ISBN

Основную часть сборника составили воспоминания о нахождении в фашистском плену во время Великой Отечественной войны Попова Петра Прокопьевича (20.12.1897 – 31.07.1976), врача, сына расстрелянного священника из с. Шолга Подосиновского района Кировской области Попова Прокопия Михайловича.

Воспоминания печатаются по тексту Попова П. П. (1972 г., г. Кинешма, Ивановская область) с незначительными поправками. Слова, выделенные курсивом, добавлены для уточнения смысла текста.

Сборник дополнен статьями о Петре Попове, его отце Прокопии Михайловиче и их семье.

В названии книги взята строка из стихотворения поэта Л. Н. Петуховой села Утманово Подосиновского района.

На обложке использована репродукция картины В. И. Ушаковой, народного художника РФ (г. Киров), с изображением церкви Троицы в селе Шолга, в которой служил Прокопий Попов.

УДК355.292'1941/1945'

ББК 63.3(2)622,7+54.5д

©Попов Петр Прокопьевич, наследники, 2024

©МКУК «Подосиновская МБС», 2024

ISBN

© МПРО «Приход храма

Рождества Пресвятой Богородицы

пгт Подосиновец Яранской Епархии», 2024

© Оформление. КОГБУК «КОУНБ им. А. И. Герцена», 2024

Содержание

Предисловие	5
<i>Попов П. П.</i> Моё пленение	6
<i>Васькина В. Ю.</i> «Светить всегда, светить везде...»	51
Касаткина С. Доктор Пётр Прокопьевич Попов. Нити нашей памяти (Отрывок из статьи)	56
Тютникова (Менедес) Н. Пётр Прокопьевич Попов – преподаватель фельдшерско-акушерской школы, знаменитый хирург – организатор кинешемской службы крови и участник Великой Отечественной войны (Отрывок из доклада)	60
Боровская Н. А. Священномученик Прокопий Михайлович Попов	67
Мариева М. А. Из истории семьи протоиерея Шолгской Троицкой церкви Прокопия Михайловича Попова	71
Пьянков Н. Н. Генеалогическое древо Прокопия Михайловича Попова (частичное).....	78

Пётр Прокопьевич Попов
(20.12.1897, с. Шолга – 31.07.1976, г. Кинешма)

Уважаемые читатели!

Перед вами – сборник материалов, посвящённый жизни и судьбе Петра Прокопьевича Попова – врача, хирурга, основателя станции переливания крови в городе Кинешме Ивановской области.

Пётр Прокопьевич Попов – сын расстрелянного в 1918 г. настоятеля Троицкой церкви в селе Шолга (с 1941 г. – Подосиновский район Кировской области) протоиерея Прокопия Михайловича Попова. Отца расстреляли на глазах сына. И всю жизнь Пётр Попов жил с этой болью.

Основную часть сборника составили воспоминания Петра Попова «Моё пленение» – о нахождении его в немецком плену в годы Великой Отечественной войны.

Рассказы родных, их воспоминания, изыскания краеведов, музейных работников, материалы из периодической печати о Петре Прокопьевиче Попове, включённые в сборник, дополняют образ врача-гуманиста, человека, прожившего жизнь, полную трагических событий. Он был вынужден до самой кончины скрывать подлинную историю своего происхождения, терпеливо переносить все перипетии своей судьбы. Отец-священник, учёба в Павловском военном училище, офицер в годы Первой мировой войны, фашистский плен – только за один из этих фактов биографии можно было запросто угодить в лагерь.

Но судьба хранила Петра Прокопьевича. Он говорил, что сила духа помогла ему выжить в фашистском плену, на что его тёща Екатерина Васильевна Кокарева отвечала, показывая рукой вверх: «Петя, знаем, кто за тебя там молился и просил у Бога заступничество». Читая воспоминания Петра Попова «Моё пленение», поверишь в её слова: когда жизнь висела на волоске, всегда приходил на помощь человек, который помогал Петру Попову выжить.

В сборник вошли материалы об отце Петра Прокопьевича священномученике Прокопии Михайловиче Попове (причислен к лику священномучеников в 2000 году), новые факты из истории его жизни и семьи.

Моё пленение

Пётр Попов

За месяц до *начала* войны я был взят в Гороховецкие лагеря, где формировалась 235-я Ивановская стрелковая дивизия. В первые же дни варварского нападения немцев на наш Советский Союз я в составе медсанбата этой дивизии был отправлен на Ленинградский фронт.

Наша дивизия была в составе 41-го корпуса, а в корпусе нашем было пять дивизий.

Приехав на фронт, мы сразу оказались в тяжёлых условиях. Немцы спешно наступали и забирали один город за другим. Войска наши в панике отступали. Авиации нашей почти не было видно, так как она была в первые же дни значительно разбита. Теперь мы *уже* точно знаем, что только в первый день мы потеряли 1200 самолётов. Пехоте нашей было очень трудно, т. к. каждые сутки ей приходилось отступать *на* десятки километров.

Нам, медикам, тоже было очень трудно работать. Только развернём медсанбат и начнём работать, как следует приказ, чтобы мы отступали и развёртывали медсанбат в другом месте. Так это продолжалось первое время. Вот так мы всё отступали и отступали, а затем отступать не стали, и что же, оказывается, немцы нас окружили, окружили весь наш 41-й корпус. Это было в конце августа и в сентябре месяце *1941 года*. Немцы окружили нас в лесах, болотах в районе железнодорожных станций Вырица, Сиверская.

Сначала мы *об этом* не знали, а в дальнейшем это нам стало заметно всем, так как хлеба нам давать не стали, а стали давать только сухари. Раненых мы уже на автомашинах отправлять не стали, а стали отправлять только пешим путём с санинструкторами, и то отправлять стали только легкораненых, которые могли сами идти и не нуждались в частых перевязках.

Сколько времени мы были в окружении у немцев, трудно сказать, но нам нужно было во что бы то ни стало выйти из окружения. Командование предварительно приказало уничтожить транспорт и всю технику. Наши войска стали выводить из строя артиллерию, ломали и жгли автомашины. Словом, всё уничтожали. Мы, медработники, тоже закопали в землю свои инструменты и аппаратуру. Сёстрам *было* дано распоряжение взять с собой только медицинские сумки, которые заполнили перевязочным материалом и самыми необходимыми медикаментами. Нам всем выдали на три дня сухой паёк. Надо сказать, что после этого до конца окружения мы никакого продовольствия не получали. Я, кстати, и этим пайком не сумел воспользоваться. Я отошёл в сторону от дороги оправиться, и в это время мешок у меня с пайком исчез. Так я до взятия в плен ничего и не ел. Не ел я больше 20 дней. А когда нас немцы взяли в плен, то они нам ещё первые три дня не давали никакого питания.

Сумели ли в это время некоторые наши воинские соединения выйти из окружения, и какие, трудно сказать. Конечно, небольшие соединения вышли, но основные войска, думаю, остались в окружении.

Я помню, как ко мне в это время подошла группа красноармейцев во главе с командиром (все они кинешемцы) и предложили мне выходить с ними из окружения. Ребята все ещё довольно здоровые, с оружием, и у них есть компас и карта. Что я им мог сказать, как же я мог оставить раненых на произвол судьбы? Я, конечно, не согласился. Удалось ли им добраться до наших войск — не знаю.

Вскоре был получен приказ оставаться нам в окружении и связывать немецкие войска, наступающие на Ленинград. Вот для нас дальше и наступил очень тяжёлый период окружения. Оставшиеся войска были в окружении на пятачке в диаметре, может, 10–15, а может, и несколько больше километров. Кругом лес, а под ногами болото! Окопаться было невозможно. Постоянно шёл дождь, было холодно. Одежда на нас вся была сырая, и просушить её было нельзя. Немцы ежедневно, аккуратно, начиная с 8 часов утра и до 8 часов вечера, пускали на нас авиацию, пускали целыми стаями самолёты. Самолёты часто прочёсывали всю нашу местность, где мы были в окружении. Ночью, с 8 часов вечера и до 8 часов утра, всё время били по нам из артиллерии и миномётов, простреливая каждый окружённый участок.

Продуктов не было, мы сидели без пищи. Вода болотная, грязная, невкусная, совершенно не пригодная для питья! Перевязочного материала и медикаментов не было. *То*, что взяли медсёстры в своих сумках при выходе из окружения, давно было израсходовано. Раненые лежат на земле без перевязок и без медикаментов. Раненые страдают. Раны у них гниют. Раненых было много. При одном нашем медсанбате раненых было до 100 человек, а сколько их было в других дивизиях... А сколько раненых вновь поступало ежедневно от ранений немецкой авиации и артиллерии. Люди ходили как тени. Нечего было и думать о сне. Разве можно было в таких условиях заснуть. Словом, был кошмар, можно только с большим ужасом вспомнить это! Наши тыловые войска нам ничем не помогали — ни питанием, ни медикаментами, ни оружием.

Надо сказать, что под влиянием такого создавшегося тяжёлого положения войска потеряли боевой дух и дисциплину, и командирам было трудно управлять ими. Вдобавок, всё это происходило в лесу. В лесу все расходятся, а собирать бывает трудно. Немцы по-прежнему каждую минуту не давали покоя.

Наконец, в конце сентября последовал другой приказ Военного Совета Ленинградского фронта за подписями Жукова, Жданова и Исакова следующего содержания: «Задачу 41-й корпус выполнил. Объявляется благодарность. Разрешается небольшими группами выходить из окружения. Раненых оставить в ближайших селениях с медицинскими работниками».

Много ли вышло из окружения – думаю, что немного, большинство попало в плен. Знаю, что вышел из окружения наш командир 235-й дивизии генерал-майор Лебедев со своей охраной. С ним вышли и случайно присоединившиеся к ним. Знаю, что в этом числе были и наши три врача из медсанбата. Трудно было выходить из окружения, но они имели много всяких возможностей. Они имели, конечно, карты, компасы, дорогой находили и продовольствие. Была у них хорошая разведка, было и оружие. Да, они были счастливыми.

Другое дело мы. Раненых оставить нельзя, наш долг – быть с ними. А раненые оставаться в плену у немцев ни в коем случае не хотели, а поэтому все, кто только хоть как-нибудь мог идти, пошли с нами. Шли тихо, ожидая отступающих. У нас не было ни карт, ни компаса, но надо было выходить из окружения.

Мы пошли все вместе, а вперёд послали разведку. Прошли несколько километров, и наши разведчики, а ими были медсёстры, попали на немцев, и их немцы забрали. А потом немцы забрали и всех нас. Немцы тут же произвели обыск всех нас. При обыске у пленных забрали без стыда всё, что их интересовало. У меня сняли с руки часы, сняли ремень, взяли плащ-палатку и вдобавок меня ещё избили. Ударили по глазу, и глаз долго болел. По пути следования встрети-лась речка. Через речку немцы кого-то перевезли на плотике, кому-то приказали переходить вброд, было холодно.

Шли дальше, сделали привал. На привале загнали нас в церковь, где мы и ночевали. После этого в течение нес-

кольких дней специально нас водили по нашим селениям и показывали нас населению. Какие, мол, у вас, у русских, вояки, какая, мол, у вас Красная армия, на что она похожа? Какой же с нас был спрос, когда мы были изнеможёнными, голодными, грязными доходягами, с трудом ноги волочили. Водили три дня, а *тех*, кто при следовании отставал, немцы тут же пристреливали. Я часто отставал, и был бы безусловно пристрелен немцами, но меня спасали медсёстры нашего медсанбата. Они всякий раз, когда я отставал, оставались со мной и просили немцев меня не убивать. Они говорили немцам, что это наш «арс», по-немецки это значит «врач». Немцы к пленным девушкам относились несколько снисходительнее, чем к другим пленным. Я, безусловно, своею жизнью обязан был этим девушкам, которых после войны в живых что-то ни одну не нашёл, а из них многие были из города Иванова. Была у нас договорённость встретиться в Иванове, но, видимо, все погибли в плену.

Будучи в окружении, в сентябре месяце во время бомбёжки был ранен осколком бомбы в правую голень. Мало того, что был ранен в ногу, на меня в это время упало дерево, и меня ещё в довершение *ко всему* контузило. Я в это время ходить не мог. Мне всё время помогал санинструктор Пипкин З. Б. (бывший парикмахер из Кинешмы). Он меня почти всё время таскал и таскал. Он не отходил от меня до тех пор, пока меня не отправили в г. Лугу в лазарет русских военнопленных. Лазарет в Луге это был не лазарет, а какое-то одно недоразумение. Это просто были приспособлены два крестьянских дома, где мы валялись на полу без всяких спальных принадлежностей и вообще без всяких удобств. Медикаментов и перевязочного материала не было. Лечили нас наши русские военнопленные врачи. Лечили только вниманием своим.

Приблизительно через месяц нас отправили в г. Псков в лазарет русских военнопленных. Здесь тоже валялся на полу в бывшем инвалидном доме без всяких удобств, в холо-

де, в голоде с роем вшей. Я пролежал месяц и умирал, и готов был к этому. У меня не было желания жить, но у меня была большая тоска по Родине. Здесь тоже нашёлся человек, который спас меня в дальнейшем от смерти.

В лазарете все были молодые военнопленные врачи, которые оперировать не могли, а в лазарете было много раненых, и нужен был опытный хирург.

Главным хирургом в лазарете в это время был Рисположенский, хирург из Псковской городской больницы.

Рисположенский совмещал работу в лазарете с работой в городской больнице. Ему было трудно работать. Он был больной, и ему было уже за 60 лет. Вот он узнал про меня от наших врачей. Он пришел в барак, где я валялся на полу. Шинель была и подо мной, и на мне, а под головой был вещевой мешок. Мой вид на него ошеломляюще подействовал (потом он мне об этом говорил), и он сначала подумал, что у него ничего со мной не получится и что я работать не смогу в лазарете. Потом, поговорив со мной, ему стало жаль меня, и он решил во чтобы то ни стало спасти меня. На следующий день меня по его просьбе немцы переводят, точнее, полицейские переносят к нему в отделение. Меня стали лечить и, кроме этого, Рисположенский договорился с оставшимися в Пскове членами РОККа, чтобы они чем-нибудь из питания мне иногда помогли. Паёк был в лазарете 120 граммов хлеба и 1/2 котелка баланды. Какая была баланда – само за себя говорит её название. Конечно, существовать на такой паёк было невозможно.

Здесь считаю нужным с чувством благодарности остановиться на бывшем в г. Пскове председателе РОКК Фёдоровой М. Ф., которая и при немцах не сложила свои обязанности. Она с душою заботилась о беженцах, о несчастных псковичах и много заботы проявила о нас, пленных. Она умерла в глубокой старости после войны и заслужила наши любовь и уважение к ней.

Через некоторое время, будучи на положении больного, я стал работать одновременно в лазарете и врачом. В лазарете лежало до 300 и более раненых и больных. Каждый день в первые годы войны умирало от 10 до 15 человек. Зимой холод был в помещениях невыносимый. Отопление было печное, а дров не было. Половина раненых валялись на полу. Одеял не хватало. Вши не выводились. Голод был ужасный. Я уже писал, что хлеба давали 120 *граммов*. Хлеб был с разными примесями и с опилками. Баланда была часто негодная, из испорченных продуктов, так что больные пленные даже не ели её. Голод был такой, что во дворе лазарета нигде не увидите травинки. Пленные траву не только вырывали, но и выщипывали, варили и ели. Надо сказать, что то же самое наблюдалось и в других лагерях военнопленных, где я был! Также там траву рвали и ели.

На почве голода появились отёки, поносы, частые мочеиспускания. Мочились до 20 раз и больше в сутки, и особенно ночью. Также часто был и жидкий стул. Поносы не давали покоя. Как это всё тяжело переносили мученики – пленные больные. От голода больные и разумом становились как дети и делали всякие глупости, не отдавая себе отчёта.

Немцы не понимали эти изменения психики, били больных и издевались над ними. Мало того, с такими истощёнными и отёчными даже зимой на улице заставляли их с полицейскими заниматься «гимнастикой». Больные падали, не могли даже двигаться, звери-полицейские, беспрекословно выполняя распоряжения своих хозяев, заставляли бегать, прыгать, ложиться и делать разные гимнастические упражнения.

С жестокой болью сердца приходилось смотреть на всё это. Думаешь, до чего мы дожили? Мы – бесправные рабы, немцы – варвары, и на них нет никакого права и суда, где же законы, охраняющие человечество? Много беззаконий, побоев, издевательств, и не меньше, чем немцы, а во многих

случаях даже больше, приносили нам русские полицейские. Кто были русские полицейские? Это были немцы Поволжья, украинцы и бывший у нас преступный элемент: уголовники, политические преступники. Это люди, у которых не осталось ничего человеческого, это – изверги человеческого рода. Полицейские были первыми помощниками немцев.

В Пскове особенно следует выделить Важенко Ивана Семеновича. Со слов пленных, Важенко был инженер-геолог из Ленинграда. Это изменник Родины, это контрреволюционер. Будучи в Советском Союзе, он судился по ст. 58, был осуждён и был долго в заключении. В Пскове работал в гестапо, был активным агентом, не давал покоя пленным, занимался выискиванием патриотов. Всё время ходил по лагерям, заходил и к нам в лазарет. Все его боялись, как огня, это был не человек, а зверь. Последнее время Важенко был в звании лейтенанта власовской армии. Где он теперь? Неужели все преступления для него прошли безнаказанно?

Условия для лечения в лазарете были самые ужасные. Медикаментов почти не было. перевязочного материала было очень мало. Вместо марли часто была бумага, а бинты были исключительно бумажные, и их было недостаточно. Приходилось перевязки делать редко, не считаясь с заболеванием. Лечение было самое примитивное. Лаборатории, рентгена не было. Вопросы лечения больных немцев не интересовали. Они, наоборот, больше делали всё то, что мешало лечению. Если получали медикаменты, то они большую часть их забирали себе, а *другую* часть продавали населению. Продуктами тоже спекулировали. К больным относились бесчеловечно. Я уже писал, как немцы занималась в лазарете «гимнастикой» с нашими почти помирающими больными. Вспоминаю и такой случай. Кто-то из больных пленных утащил у фельдфебеля с окна в лазарете порцию запеканки. Что вы думаете, какое последовало наказание? Фельдфебель приказал оставить без обеда всех больных и работников лазарета.

Бывали и такие случаи, что больных зимой запирали в сарай за малейшие проступки. Держали в сарае в холоде сутки, а то и больше. Такие дикости со стороны немцев имели место как обычное явление.

Часто в лазарете вспыхивали массовые и отдельные случаи сыпного тифа. Было специально устроено сыпное отделение. Скажу, что мы были довольны, что у нас было такое отделение, т. к. мы под предлогом сыпнотифозных больных направляли иногда таких пленных, которых нужно было известное время выдержать и спасти от немцев. Немцы сыпного тифа очень боялись и в сыпнотифозное отделение не заходили.

При лазарете немцами была организована «капут команда».

Это команда, которая только хоронила умерших, т. к. умирающих было много. Умерших долгое время хоронили прямо во дворе лазарета. Во дворе *по его* длине была вырыта большая могила. В эту могилу ежедневно, как в поленицу, клали и закапывали мертвых. Ежедневно могилу увеличивали в длину для того, чтобы на следующий день можно было хоронить следующих умерших. Летом был неприятный запах и рой мух. Немцы не обращали на это внимания.

Здесь хочу остановиться на таких двух случаях, которые возможны были, пожалуй, только в условиях тяжёлого плена. «Капут команда» в начале войны мёртвых пленных хоронила во дворе лазарета, я об этом упоминал. В дальнейшем мёртвых стали отвозить хоронить в город на кладбище. Этим случаем воспользовались два военнопленных. Один из них был офицер. Они находились на лечении в нашем лазарете. Первый пленный – офицер, погружённый в повозку вместе с мертвецами, – благополучно добрался до кладбища и без особых приключений убежал. А вот со вторым пленным была целая история, но хорошо, что всё закончилось хорошо. Конвоир-немец на кладбище подошёл к могиле, в ко-

тору сбрасывали пленных покойников, и заметил, что один покойник шевелится. Закричал и, по-видимому, сильно испугался и стал молиться Богу. Пленный воспользовался этим случаем и убежал. Немец не стрелял. В дальнейшем были слухи, что конвоир был из служителей культа и, видно, побоялся Бога убить человека, решившегося на такой поступок.

Долго я лечился в лазарете, у меня долго болела нога. Мало этого, я заболел цингой. Доктор Рисположенский и ещё одна врач-женщина, детский врач Псковской больницы (её немцы потом расстреляли как еврейку), мне очень помогли. Они достали мне немного витаминов, а для бинтования ноги нашли эластический бинт, и мне стало лучше. Я стал лучше ходить, и тогда меня сделали главным хирургом лазарета, где я и работал до мая 1943 года. Я подобрал надёжный медицинский персонал из людей, исключительно преданных Родине, персонал мне много помогал в нашей работе. Старшим фельдшером был коммунист, лётчик, лейтенант Топчий П. Я. Ныне живёт он в Донецкой области. Топчий окончил медицинский техникум и был фельдшером. Одновременно, когда учился в медтехникуме, а может, и после окончания его, он учился в аэроклубе и поэтому на войне был лётчиком. В бою был сбит его самолёт, он получил тяжёлые ранения и попал в плен. Топчий был исключительно честным, хорошим товарищем и работником. Он много сделал для спасения пленных. Многие офицеры, лётчики, танкисты и другие скажут ему большое спасибо, во-первых, за то, что он отобрал и положил их к нам в отделение. Наше отделение было лучшее в лазарете. Во-вторых, они ему благодарны за то, что, благодаря ему, псковичи приносили им иногда продукты питания. Много раз его немцы, конечно, не без участия наших полицейских и, в частности, Важенко, отправляли из лазарета в лагерь. Мне удавалось его опять устраивать в лазарет, и так это было несколько раз. Теперь он жив и работает фельдшером. Санитарами работали М. Реше-

тов, К. Гуськов – тоже коммунисты и на фронте были командирами. Ребята были преданными Родине и работали хорошо. В 1943 году *они* были расстреляны немцами.

Ещё один из санитаров был на фронте комиссаром полка, по национальности грузин. Его немцы также арестовали и, по-видимому, расстреляли, фамилию его не помню. Медсёстры были комсомолки. Но в основном на работе у нас были мужчины фельдшеры. Работать мне со всеми ними было неплохо.

Я сделал много операций. Часто я делал и такие операции, которые для военнопленных были абсолютно безвредны, но могли их спасти на долгое время от работы у немцев. Например, я делал не операцию аппендэктомии (удаление червеобразного отростка), а на животе делал просто только кожный разрез и накладывал швы. Немцы думали, что была сделана операция аппендэктомия, и к больным относились как к операционным больным. Накладывал гипсовые повязки на верхние и нижние конечности, когда переломов никаких не было. Удалял осколки и инородные тела из мягких тканей, а также на коже иссекал разные рубцы. Делал это для того, чтобы задержать пленных в лазарете и этим выиграть время. Немцы верили, а военнопленные задерживались в лазарете. Иногда ставил диагноз сыпной тиф или какое-либо другое заразное заболевание, а немцы страшно боялись заразных больных. Раз случилось так, я поставил диагноз сифилис одному лётчику-офицеру с таким расчётом, чтобы его немцы не забрали во власовскую армию, а потом расстроился и сам был не рад, т. к. немцы его, как такого заразного больного, чуть не расстреляли. Больших усилий мне стоило доказать, что диагноз не подтвердился, но всё же результат был, немцы его во власовскую армию не взяли.

Некоторых больных удавалось держать в лазарете месяцами, даже годами, без всяких медицинских показаний. И особенно долго задерживали офицеров. В отделении, где

я работал, мы набирали почти одних только офицеров. Этого немцы не знали. Офицеры часто скрывали свои звания и фамилии. Немцы к офицерам относились значительно хуже, чем к солдатам. Они считали, что все офицеры – коммунисты, а поэтому к ним должен был быть иной подход.

Бывали случаи, что дело доходило до того, что мы списывали убежавших из лазарета как умерших. Это спасало всех нас, работников лазарета, от жесточайших наказаний со стороны немцев.

Среди больных, которые у нас лежали в Пскове в лазарете, были и мои земляки-кинешемцы. Кинешемца Шарыгина А. Ф. я избавил от вербовки во власовскую армию. Когда Шарыгин узнал, что его немцы забирают во власовскую армию, он притворился больным и добился того, что его привели к нам в лазарет. Он узнал, что я работаю в лазарете, обратился ко мне, и я его положил как больного. В лазарете он пролежал столько, сколько нужно было для того, чтобы эта кампания вербовки закончилась. За это время я ему сделал только разрез на коже живота, а в истории болезни записал, что сделана операция аппендэктомия.

Лежал в лазарете больше года тяжело раненый лётчик Третьяков Иван из села Колшево. Я устраивал так, что его задерживали в лазарете. Иногда ему оказывал помощь и в питании. Третьяков многое мог бы рассказать о немецком плене. Он и Шарыгин остались живы и работают – Шарыгин в Кинешме, а Третьяков в с. Колшево Заволжского района.

Голодное питание в плену заставляло нас всё время задумываться о раненых и больных. Обращения наши к псковичам имели успех. Мы часто раненых и больных прикрепляли к псковичам, а псковичи сами голодали, но в то же время проявляли большую человечность и помогали пленным.

Много в этом отношении сделали медсёстры Савина Л. С. и Лебедева А. И. Эти сёстры были не военные, а граждан-

ские. Они работали в лазарете и жили в Пскове. Медсестра Лебедева была операционной сестрой. Она в дальнейшем была убита во время бомбёжки. Сёстры эти многих раненых и больных спасли от смерти. Они в основном раненых и прикрепляли к псковичам, которые оказывали им помощь продуктами питания. Но получить продукты от псковичей – это еще было не всё. Дело было сложное – передать их раненым. Вот тут-то эти сёстры опять и помогали. Они были основными передатчиками продуктов. Они проносили продукты, когда шли на работу в лазарет.

Псковичам надо выразить глубокую благодарность за эту помощь, которую они оказывали в снабжении продуктами питания раненых и больных военнопленных, которые находились в годы Отечественной войны в Псковском лазарете русских военнопленных.

Хочется здесь остановиться на одном примере подобной помощи, оставшейся в памяти на долгое время. Но прежде хочу описать случай, который явился поводом для этого примера. Случай был особенным, и не могу его не описать!

В 1941 году морской офицер Минин М. Н. раненым попал к немцам в плен. По выздоровлению был транспортирован в Псков в лагерь «Кресты». Из лагеря он дважды пытался бежать, но оба раза был пойман немцами.

Немцы за второй побег решили его расстрелять. Вечером повели его по дороге в лес. В лесу с дороги свернули шагов на десять в сторону и выстрелили в голову. Минин упал и больше ничего не помнит! Утром русские военнопленные ехали на работу и заметили чёрную морскую шинель. Остановились и нашли Минина всего окровавленного и почти без признаков жизни. Взяли его с собой и привезли к нам в лазарет. В лазарете мы стали спешно принимать все меры к подготовке его к операции. Прошло несколько часов, общее состояние улучшилось, и я решил его оперировать. При операции оказалось: огнестрельное ранение головы с раздро-

бленным переломом обеих теменных костей и с поражением мозгового вещества. Операция была очень тяжелая, и рассчитывать на выздоровление *больного* было очень мало, учитывая ещё одновременно и условия его пребывания в плену. У Минина на почве ранения были парализованы обе нижние конечности, парализована правая рука и в состоянии пареза находилась левая рука. Центр речи также был парализован. Вот в каком состоянии Минин находился у нас в лазарете. Пролежал он три месяца. В дальнейшем наступило улучшение. Он стал вставать и стал стоять с помощью товарищей. Мы за ним ухаживали так, как только могли. Но разве можно было поправиться в немецком плену такому тяжёлому больному, когда основным питанием был хлеб-эрзац, и его давали только 120 *граммов*.

Вот тут-то и нашлись русские патриоты, добрые люди, добрые псковичи, которые всё время помогали ему в питании и спасли его от явной смерти. Причём здесь особо надо благодарить одну девочку, которая почти ежедневно в течение 3-х месяцев ходила и приносила Минину продукты питания, а своей фамилии, кто она такая, так и не сказала.

Хочется *написать*, что с ним было дальше. В дальнейшем его немцы из лазарета отправили в Псковский инвалидный дом. Это был не инвалидный дом, а какое-то недоразумение, где он и влачил своё существование до прихода в Псков наших русских войск. Он вспоминает, что иногда его там заставляли стоять с чашкой и просить деньги. Потом он уехал в Ленинград к своей семье. Дети были убиты. Жена – инвалидка после тяжёлого ранения. Был положен в Ленинграде в госпиталь и долго лечился. Говорит, *что* всё время, все 25 лет, искал меня и вот только нынче случайно узнал мой адрес, встретившись с *другим* бывшим пленным, который тоже лежал в Псковском лазарете военнопленных, и тут же приехал в Кинешму ко мне. Встреча была очень и очень трогательная.

Немцы не только не давали жизни русским военнопленным, но они свирепствовали и над оставшимся в Пскове в оккупации гражданским русским населением.

В 1941 году на главной площади в Пскове немцы повесили шесть русских псковичей за то, что ночью кто-то стрелял с чердака по проходящей команде немцев. Эти несчастные псковичи были взяты из своих квартир или из учреждений. Среди взятых и повешенных были парикмахер, учитель. Кем были остальные – не знаю. Повешенные висели на площади двое суток, их немцы ранее не разрешали убирать.

Около Пскова было расположено несколько лагерей для русских военнопленных. Был лагерь «Пески», лагерь «Кресты», который военнопленные называли «Окаянные кресты», и лагерь «Военный городок», который тоже называли часто «Красные конюшни», т. к. он находился в бывших конюшнях псковской кавалерийской военной части.

В каждом из этих лагерей одновременно находилось до 8–10 тысяч военнопленных.

Условия жизни военнопленных в этих лагерях были непомерно тяжёлые, ужасные. Мордобойство, издевательства, зверства, невероятный труд, эпидемии, голод – вот что было в этих лагерях. Не многие военнопленные там выжили. Голодали так, что ели трупы. У трупов вырезали куски мяса, главным образом из ягодиц, варили и ели. Хотя немцы и строго наказывали за людоедство, расстреливали, но всё равно это продолжалось. Немцы не понимали, насколько пленные были голодны, что даже теряли свой рассудок. Кстати, я сам видел, как два военнопленных врача поймали двух мышонков и в кружке их сварили и съели.

Немцы в лагерях ходили с резиновыми плётками и с плётками, сделанными из телефонных проводов и из проводов электрической проводки, и били пленных, а в случаях малейшего сопротивления тут же расстреливали из пистолетов, а чаще из винтовок.

Вот что рассказывает бывший военнопленный Шарыгин А. Ф. из Кинешмы, который был у немцев в плену:

«Я находился сначала в лагере «Пески». Он был расположен в бывших помещениях овощехранилища. В некоторых помещениях были сделаны нары. Нары, при высоте помещения в три метра, были сделаны в четыре яруса. А некоторые помещения было просто сараи, даже не было и нар. Сараи, в которых сидели военнопленные, не отапливались и были без освещения. Было очень душно. Воздух был очень тяжёлый, пахло гнилью, землёй. Пола в некоторых сараях не было, было грязно. Кормили эрзацным хлебом. Многие ели и пили из банок из-под консервов, котелков не было. Вши заедали. Вши покрывали сплошь всю одежду и бельё. Был сыпной тиф и дизентерия. Военнопленные умирали как мухи. Умерших вытаскивали из сараев, клали на сани, как дрова, отвозили и сваливали в ямы и одно время даже не засыпали землёй».

А что немцы делали с проверкой пленных? Они изобрели такой способ. Приказывали всем лечь навзничь, лицом в грязь, рядами голова к голове. Потом по спинам пленных идут ногами, с одетыми на них немецкими с подковами сапогами, и считают пленных. Ступают на спины так, что ребра трещат. А если просчитались, а это бывало очень часто, то снова идут по спинам пленных, и снова у пленных трещат рёбра. Если в это время от боли ойкнешь, начинают бить, пинать. Били резиновыми плётками прямо по голове, по лицу.

После таких проверок всегда несколько человек не могли подняться с земли, и их уносили либо в сараи, а то и прямо в ямы, приготовленные для покойников.

Натешившись издевательствами и зверствами над несчастными пленными, фашисты уходили, но на этом наши страдания не заканчивались. Потом полицейские загоняли нас палками в помещения. Вот как с нами расправлялись фашисты и полицейские.

Участились случаи попыток к бегству. Пленные пытались резать, а то и просто рвать проволочные ограждения, но это заканчивалось гибелью многих от пуль охранников, и трупы пленных висели на колючей проволоке.

Наступила весна 1942 года, стало тепло, а у нас в сараях разлагались неубранные трупы. Вонь была нестерпимая. Зараза. А смерть ещё сильнее начала косить военнопленных.

Теперь на месте этого бывшего лагеря стоит мемориальная доска с надписью: «Здесь замучено и истреблено немецко-фашистскими захватчиками 50 тысяч русских пленных».

В апреле 1942 года меня с многими другими военнопленными перегнали в лагерь «Красные конюшни». Здесь постелью для многих нас был неубранный навоз в бывших конюшнях, на чём мы и спали. Отощали мы до того, что остались только кожа и кости. Многие лежали пластом, но тех, кто мог двигаться, немцы заставляли работать.

Однажды я, обессилев, упал. Немец начал пинать меня. Ну, думаю, конец – пристрелит и всё. Правда, мне было в это время как-то всё безразлично. Немец действительно направил на меня винтовку, но не выстрелил, а прикладом винтовки ударил меня по голове. Кровь хлынула у меня из носа и рта, и я потерял сознание. Очнулся я через двое суток на конюшне, но встать не мог. Через 5–6 дней я поднялся на ноги и встал в строй для отправки на работу. Нас 30 человек отобрали и направили на уборку двора немецкого госпиталя, где я в дальнейшем и работал.

Как-то в конце 1942 года к нам в лазарет приходят два вооружённых немецких солдата и забирают меня с собой. Я простился со всеми, *считая*, что дело моё плохое, наверное, меня арестуют. Оказывается, не так-то было. Меня приводят в Пскове в гражданскую семью к тяжёлому больному бухгалтеру электростанции Чернигину А. И. Жена просит его проконсультировать, т. к. он очень болеет. Я сразу за-

метил, что больной резко исхудал. Кожа на животе сожжена грелками, она уже стала тёмно-коричневая. При пальпации прощупывается в животе в области желудка плотная опухоль. Говорю жене: случай тяжёлый, не скрою, рак желудка, и его надо, не задерживаясь, оперировать. Жена говорит, что вот я для этого Вас и вызвала, чтобы Вы его оперировали. Я сказал, что ведь я – военнопленный и это не от меня зависит. Мало этого, я ей сказал, что в Псковской больнице зав. хирургическим отделением – уважаемый врач Рисположенский, который меня спас от смерти, поставил на ноги и на работу. Кроме этого, он – наш шеф в лазарете. Я не могу ни в коем случае ущемлять его *авторитет*. Она говорит, что вопрос согласован с Рисположенным и с немцами. Рисположенскому было *тогда* за 60 лет, и он последнее время не делал тяжёлые операции. А с немцами лазарета вопрос об операции согласовал немецкий офицер, стоящий во главе электростанции. Немецкий офицер, как оказалось потом, был в ту империалистическую войну у нас в России в плену. Плен отбывать был послан в Сибирь, и там женился на русской женщине. Вот поэтому-то он и принял близкое участие к Чернигину. Через несколько дней этот офицер отвёз меня в больницу, где уже лежал Чернигин и готовился к операции. Операцию пришлось делать тяжёлую и технически трудную – резекцию желудка. Условия в больнице для таких операций были мало подходящие. Ассистентом на операции был врач, который никогда не работал в больницах и, мало этого, нерадиво мне помогал. Потом выяснилось, что он был настроен за немцев и *позднее*, когда русские пришли в Псков, был русскими арестован и расстрелян. А я был истощённый, то и дело потел на операции. Все-таки я операцию сделал благополучно, и больной выздоровел. В дальнейшем после операции меня немцы из Пскова отправили, и я потерял всякие сведения о Чернигине. И *уже* когда я демобилизовался и приехал домой, я получил от него письмо. Передо мной

лежит его письмо. Вот что он пишет: «Ваш образ стоит ежедневно перед моими глазами, и у меня не хватает слов благодарности и чувства признательности, когда приходится при разговорах упоминать Ваше имя. Я Вам и только Вам обязан тем, что до настоящего времени могу быть полезным обществу и семье. Вы мне возвратили жизнь в 1942 году и именно в то время, когда мы, русские, были ничто, без прав, хуже рабов. Вы сами ещё находились в более худшем положении, но Ваш патриотизм, ум, опыт и прекрасные руки оказывали большую помощь своему русскому народу». Письмо большое, очень трогательное и, конечно, я написал здесь только его часть, но не написать я в данном случае просто не мог. Письмо само за себя говорит обо всём.

Затем в Пскове вдруг нужно было оперировать по поводу желудочного кровотечения с язвой желудка тоже тяжёлого больного и тоже бухгалтера, но уже работающего в банке. Случай с операцией, сделанной мною Чернигину, в городе был известен, и, конечно, родственники этого больного стали тоже добиваться того, чтобы оперировал его я. Немцы дали на это согласие, а Рисположенский сам приезжал в лазарет и об этом просил меня и сказал: «Не подкачай, тобой интересуются немецкие врачи. Докажи им, что делают рядовые русские хирурги». Тут же приезжает в лазарет за мной целая делегация и увозят меня в больницу. Больной действительно *был* очень тяжёлый, потерял много крови. Кровь в больнице не переливается. Пришлось оперировать без переливаний крови в трудных условиях. Ждать было некогда. И опять мне без желания и лениво помогает на операции врач, который ассистировал и при операции Чернигину. Как ни трудно было оперировать больного, но всё закончилось хорошо. Больной перенёс операцию, и послеоперационный период протекал хорошо. Словом, больного мы явно спасли от смерти.

После этих двух операций в Пскове заговорили обо мне, и многие хотели, чтобы мне дали возможность их лечить.

Немцы вначале не давали возможности мне бывать в Псковской больнице, а потом согласились, и я стал с конвоирами ходить в хирургическое отделение Псковской больницы, где я иногда оперировал тяжёлых больных, а иногда консультировал больных. В это время из нашего лазарета отпустили на работу в Псковскую больницу пятерых врачей. Освободили глазника, ушника, гинеколога, рентгенолога и санитарного врача. Врачи эти были на положении гражданских врачей.

В нашем лазарете бывали обходы немецких врачей, и немцы часто недоумевали, как это русские врачи могут делать серьёзные операции. Они говорили, что «вы лыком шиты и ещё носите лапти». Был *один* раз такой случай. Немцы при обходе увидели резецированный удалённый желудок с большой язвой и спрашивают переводчика, кто эту операцию сделал? Переводчик показывает на меня. Они очень заинтересовались мною и задали мне много вопросов. Их очень интересовал вопрос, где я живу – в Москве или в Ленинграде? Я отвечаю, что живу в маленьком городе Кинешме Ивановской области, где населения всего 50 тысяч. Немецкие врачи не верят мне. Они говорят, что Вы, наверно, зарабатываете большие деньги, и спрашивают, сколько у нас стоит сделать такую операцию? Я отвечаю, что мы все операции делаем бесплатно. В свою очередь я задаю им вопрос, а сколько за такую операцию у вас платят? Мне отвечают: 250 марок, но точно не помню, может, они и дороже назвали мне цену этой операции. Чтобы мне поконкретнее иметь представление об уплате врачам за эту операцию, я попросил ответить, а что можно купить на эти деньги? Немецкий врач ответил, что *можно* купить четыре велосипеда и добавил: на одном велосипеде после операции вы поедете домой, на другом поедет операционная сестра, на третьем поедет санитарка, четвёртый велосипед останется у вас в операционной на всякий случай.

Помню, также немцы восхищались моей операцией по поводу пластики носа. Эта операция ничего особенного не представляла и сделана мною была вынужденно. В плену от таких пластических операций надо воздерживаться. Был у нас в лазарете военнопленный с деформированным носом, у него завалилась спинка носа. Немцы его хотели отправить с этапом в Германию. Он приходит и просит меня об операции рассчитывая, что его после операции задержат в лазарете. Я сделал ему операцию. Я вынул часть 11-го ребра и вставил её в спинку носа. Нос стал как нос. Больной был доволен во всех отношениях. Операция несложная, но по-видимому, заслужила особое внимание и интерес у немцев.

В лазарете приходилось делать разные операции, в основном, операции по экстренной помощи и операции только по особым показаниям и при благоприятных условиях. Плановые операции делать было нельзя, т.к. больные настолько были истощены, что рассчитывать на выздоровление было часто совершенно невозможно.

Надо сказать, что наши русские хирурги в основном были больше подготовлены к операционной работе на фронте, чем немецкие хирурги. Дело в том, что в Германии, если кому нужно было сделать операцию, а операции, как мы знаем, в основном, делаются за плату, он идёт к лучшему хирургу. Пусть дороже операция стоит, но зато он имеет больше уверенности в благоприятном исходе.

Хорошие хирурги много оперируют, а посредственные хирурги имеют опыт небольшой. Они бы и рады оперировать, но к ним на операции не идут.

Другое дело у нас в Советском Союзе. У нас хирурги городов и районных центров стараются оперировать всё сами, всех, живущих в их местности. Конечно, бывают и исключения. Больных без их направлений в областных и республиканских лечебных учреждениях не принимают на лечение и не оперируют. Так что наши хирурги должны иметь хо-

роший опыт и хорошо работать, что на самом деле мы и наблюдаем. Это наблюдалось и во фронтовой обстановке, где хирурги всё должны уметь делать и делали.

В Псковском лазарете русских военнопленных со мной работали врачи, фамилии которых я здесь хочу назвать, так как до сих пор находятся родственники, для которых вопрос этот является вопросом весьма жизненно важным!

1. Березин А. И. из Вологодской области,
2. Братченко,
3. Васильев В.,
4. Вардамаева А. из Ленинграда,
5. Голованов О. из Москвы,
6. Гудкин С. из Ленинграда,
7. Дунаев Б. П.,
8. Котельников З. М. из Вологодской области, г. Великий

Устюг,

9. Козлов А. Ф. из Смоленска,
10. Лобачёв В. из Собинки Ивановской области,
11. Минаев Н. И. из Иванова,
12. Оброчнев С. из Дзержинска Горьковской обл.,
13. Пёсиков М. из Иванова,
14. Погорелко М. А. /украинец/,
15. Плешко П.,
16. Строкова А. И. из Ленинграда,
17. Смирнов П. А. из Иванова,
18. Фёдорова И. П. из Москвы,
19. Улле Е. В. из Харькова,
20. Эмман В. А. из Пскова.

Когда я работал в лазарете, всё время был не в ладах с русскими полицейскими. Полицейские грубо, издевательски и бесчеловечно относились к военнопленным. Со мною они тоже хотели бы вести себя так, но не всегда это им удавалось.

Немецкие врачи, стоящие во главе лазарета, а я, как уже писал, был главным хирургом лазарета, ко мне всё же отно-

сились по-иному, а иногда и заступались за меня. Это вполне понятно, у врачей, людей такой гуманной профессии, хотя бы даже и у врачей воюющих стран, отношения должны быть, думаю, как минимум, человеческими. Но не так-то было. Немецкие врачи на наших русских врачах экспериментировали прививки. Об этом я напишу несколько позднее.

А сейчас хочу описать случай, имевший место в Псковском лазарете, когда немецкие врачи допускали по отношению к нам, русским врачам-пленным, весьма неэтические и оскорбительные выходки. В нашем лазарете у возглавляющего лазарет немецкого врача был день рождения. Наши русские полицейские нас всех санитарных работников, в том числе и меня, и других пленных врачей, загнали в сени дома, где происходило торжество, и в сенях в холодную зимнюю пору заставляли петь русские песни. Я не пел, но факт в том, что меня сюда загнали, как и всех нас, и заставляли петь, а немецкие врачи пировали. Полицейские на меня всё доносили и жаловались, особенно фельдфебелю, а это был в лазарете царь и Бог, и жаловались представителю гестапо.

Несколько раз у меня немцы делали обыски, конечно, с нашими полицейскими вместе. А затем полицейские меня окончательно выдали.

Был случай, который для меня был роковым и неисправимым. Я потерял доверие у немцев окончательно. В лагере была медсестра, которая сошлась с санитаром. Санитар в мирное время работал техником-строителем. У них родилась дочь. Немцы решили их разъединить. Хотели медсестру с идущим этапом отправить в Германию. Сестра приходит ко мне и просит ей помочь. Я говорю, что хорошо, успокойся, сделаем всё, и ты не поедешь. Сегодня ночью симулирую приступ аппендицита. Я сделаю операцию, и ты будешь задержана минимум на месяц, а там будет видно, а этап уйдёт. Полицейские проследили это всё и доложили немецкому

врачу. Немецкий врач рано утром пошёл смотреть сестру, а она при исследовании прямо истерически кричала и весьма бурно реагировала на боль в животе. Конечно, немецкий врач, как и все мы врачи, в таких случаях обычно не верим больным, а считаем, что больной либо аггравировал, либо симулирует. Учитывая, что сестра подлежит ещё отправке с этапом в Германию, немецкий врач не сомневался в симуляции и не сомневался, что ей это всё устроил я. Тут же с переводчиком прибегает, именно прибегает к нам в отделение злой, ругается и говорит: «будете оперировать сестру, а я буду присутствовать на операции. Если аппендицита не окажется, я вас накажу». Я стал оперировать и, конечно, изменений в червеобразном отростке не оказалось. Немецкий врач меня наказывает тремя сутками голода, а через несколько суток меня отправляют в Литву в город Калвария в офицерский лагерь.

Это было в мае 1943 года. Отправляют нас шесть человек. В том числе были: два врача еврея, один аптекарь еврей, один молодой врач комсомолец, у которого брат генерал на фронте в Советской армии, один фельдшер, которого немцы считают комиссаром, и я. В лазарете все понимали, что нас оправляют не как обычных военнопленных, а как подозрительных и неблагонадёжных. Действительно, лагерь, куда нас привезли, оказался особенным. Условия пребывания в нём были очень и очень тяжёлые.

В лагере сидели несколько тысяч военнопленных. Сидели офицеры в разных званиях: генералы, полковники и другие. Сидели в разных секциях, сидели и в подвалах, сидели и в таком подвале, где было полно клопов и блох. Блохи специально не выводились немцами. Блох было столько, что они прямо заедали сидевших. Сюда сажали офицеров в чем-либо провинившихся по лагерю. Сажали на неделю, на две, на месяц. Это значит, неделю, месяц не спать и всё время чесаться. Когда кто-либо выходил из этого подвала, то тело его

было покрыто всё расчёсами, струпьями или какими-либо кожными заболеваниями.

Лагерь был весь обнесён множественными рядами колючей проволоки с вышками, на которых часовые при всяких для себя сомнительных случаях открывали очереди пулемётного огня. Редко проходили дни, чтобы не было в лагере убитых. На работу из лагеря никого не посылали. Кормили преотвратительно. Около лагеря были мельницы, и пленных кормили высевами и разными мельничными отходами, из которых варили баланду. Хлеб был эрзацный и, как везде, 120 граммов. Повара рассказывают, что иногда привозили поросят, погибших от рожистого воспаления, взятых у городского населения. Только заставляли поваров это мясо дольше варить. А мы в эти дни удивлялись, что это случилось, что сегодня нас кормили супом, сваренным из свинины.

Все обуты были и ходили в деревянных колодках. Ах, как трудно в них было ходить! А как они давили ноги. Стопы в голеностопных суставах не сгибались, а стук и шум от колодок был ужасный. Всё это делалось для того, чтобы мы не сбежали. Действительно, как можно бежать в таких колодках?

Приехавшие со мной врачи-евреи и аптекарь-еврей были отделены от нас и вскоре расстреляны. Из них один врач был Пёсик Михаил из г. Иванова, ассистент терапевтической клиники.

Хочу здесь несколько рассказать о пребывании евреев в плену. Что я наблюдал. При взятии в плен немцы, если знали, что пленный – еврей, тут же обычно расстреливали. А если евреи попадали в лагерь, то сидели отдельно. В лагере их держали со строгим режимом. На проверки выстраивали отдельно. Били беспощадно, пускали на них собак. В лагерях немцы среди пленных всё время искали евреев и похожих на них.

При обследовании, а обследование, как правило, производили, в основном, русские полицейские, обращали особое внимание на половую систему. Если у кого-либо было обрезание крайней плоти полового члена, всё – он еврей. Надо сказать, что у нас в Советском Союзе есть много национальностей, где обрезание делается, например, у татар, узбеков и других.

Кстати, надо заметить, что немцы считали, что среди и евреев, особенно молодых, есть уже не обрезанные – это те, которые родились при Советской власти, так как, мол, евреи стали уже умнее и культурнее и обряд обрезания стали нарушать.

Я наблюдал за одним весьма неприятным и тяжёлым случаем с врачом. Этот врач (фамилии не помню) был в лагере с нами. Затем он вдруг куда-то исчез, а куда, конечно, как не в гестапо попал. Через пять дней утром мы его видим в строю с евреями. Лицо его всё в синяках и ранах, отёчное, нос повёрнут на правую сторону. Мы подходим и не узнаём от него.

Он говорит, что его били три дня и всё заставляли сознаться, что он еврей:

«Я узбек. Я не выдержал больше издевательств, не мог терпеть и сказал, что я еврей. Тогда меня начинают спрашивать, какая моя фамилия, и говорят, что фамилия у меня не еврейская, и опять начали бить меня. Я не знал, какую назвать фамилию им, но в то же время вспомнил, что у нас в клинике был ассистент-еврей по фамилии Коган, и я сказал, что я Коган...»

Через пять дней он был расстрелян как еврей.

Лично со мной тоже было нечто подобное. Раз при обходе лагеря офицер из гестапо (говорит прилично по-русски) останавливает меня и спрашивает: «Как, пленный, твоя фамилия?» Я говорю: «Попов». «А давно ли ты стал Поповым? Вы все теперь стали с русскими фамилиями». Действитель-

но, в плену некоторые военнопленные меняли свои фамилии при попадании в плен. Я ответил, что все мои 42 года фамилия моя – Попов. Офицер сказал русскому полицейскому, чтобы завтра он меня привёл к нему. Вообще-то я думаю, что я мало похож на еврея, но в плену я был таким доходягой, что, может, и похож был на еврея.

На следующий день привели меня в гестапо и начали меня пытаться, а потом бить плёткой, но, на моё счастье, привели в гестапо врача пленного Братченко, который был со мною вместе на фронте. Братченко им сказал, что он меня знает и что он был со мной на фронте в одной части. Братченко был украинец и был у немцев иногда каким-то консультантом, а может быть, и хуже. Меня тут же отпустили в лагерь.

В этом офицерском лагере я встретился с кинешемцами, которых я до этого не знал, а они меня знали. Это были офицеры, а на гражданской службе инженеры: Дубов Д. и Цветков М. Т. Дубов в лагере работал столяром и имел возможность в лагере ходить по своей работе. Дубов мне некоторое время, когда мы были с ним в этом лагере, помогал в питании. Он мне иногда давал баланду, за что я ему приношу большую благодарность. Теперь он жив и работает в Кинешме.

В этом лагере немцы при мне *один* раз производили вербовку офицеров во власовскую армию. Записалось 15 человек, в том числе два врача. Из врачей один был молодой врач из Кинешмы (фамилию его не помню). Записавшихся одели получше, чем они были одеты, и стали подкармливать лучше и больше дали свободы. К врачам, записавшимся во власовскую армию, сразу изменились отношения товарищей. Мой земляк-врач раз подходит ко мне и говорит: «Не обвиняйте меня. Я записался во власовскую армию, потому что я здесь погибну в лагере с голоду, а при отправке нас я тут же на первой станции сбегу, иначе нет выхода никакого». И дей-

ствительно, как стало известно, он на первой же станции сбежал и с ним сбежали и некоторые другие. Через месяц он добрался до русских и был снова взят в Советскую армию и отправлен на фронт. Будучи в армии, он моей жене написал и сообщил обо мне, что я в плену. Больше никаких сведений о нём не было. По-видимому, был убит на фронте.

Одновременно с вербовкой во власовскую армию в лагере произошло ЧП. Военнопленные вырыли из лагеря туннель и хотели убежать.

Мысль о побеге почти у всех пленных была одной из главных мыслей. В этом лагере жизнь военнопленных была очень тяжёлая и беспросветная. Убежать к своим русским было очень трудно, так как на работу пленных офицеров боялись водить, а чаще всего побегу бывали с работы. Вот группа пленных и решила вырыть туннель и убежать. Подходящим местом выбрали помещение ревира, по-нашему это санчасть, так как ревер ближе всего находился к проволочным заграждениям, и здесь было меньше надзора со стороны немцев.

Для рытья туннеля специально подбирали пленных и клали их в санчасть. Из санчасти туннель рыли по направлению за проволочные заграждения.

Рыть туннель было очень трудно. Земля обваливалась. Досок не было, так что крепление внутри туннеля делать не представлялось возможным. Землю приходилось убирать самым примитивным способом, уносили бумажными коробками и мешками по подвалам. Рыли долго, много месяцев подряд. Наконец туннель был вырыт. Вырыт был длиной до 15 метров, а может, и больше. Уговаривались, кто пойдёт первым, кто пойдёт вторым и т. д. Но не так-то просто было всё, как хотели. Немецкий часовой заметил вылезающих военнопленных. Тревога. Началась стрельба. Удалось убежать только счастливым. Немцы после этого произвели суровую расправу с военнопленными, которых сочли участниками

этого побега, пороли и в карцер сажали, многих отправили в штрафной лагерь.

Голод, бесчинства, постоянные оскорбления, расстрелы – вот чем отличался этот лагерь.

В 1943 году наши русские войска успешно наступали и освобождали оккупированные немцами города и сёла, и немцы в ноябре месяце стали расформировывать офицерский лагерь, где я сидел. Нас из Литвы стали отправлять в Германию.

Когда немцы отправляли военнопленных в Германию, очень тщательно обыскивали их. Осматривали всю одежду, все рубчики, все складочки. На обуви иногда отрывали подошвы, осматривали даже задний проход, учитывая, не спрятали ли туда что-нибудь. Очень боялись, чтобы военнопленные не провозили с собою ножи. Во время поездки по железной дороге пленные в стенках вагонов вырезали доски, делали окна и на ходу выскакивали из вагонов и убегали. Стенки вагонов у немцев были построены из тонких досок, что являлось благоприятным моментом для вырезывания в них окон и организации побегов.

Так осматривали и нас в данном случае при отправке. Нас, медиков, в количестве 80 человек, а всего одних только врачей было 250 человек, решили отправить в Германию в город Фюрстенберг.

На 80 человек было приготовлено два товарных вагона. Привели нас к вагонам и приказали раздеваться, приказали снимать всю одежду, кроме кальсон. Приказ был снимать с ног и колодки. Если у кого были носки, то оставались в носках, а у кого были портянки – оставались в портянках, а некоторые оставались и просто босыми. Вся эта процедура раздевания проходила долго, а на улице стоял ноябрь месяц, и было холодно, был снег. Мы замерзали от холода. Всю снятую одежду и обувь немцы заставили положить в один вагон, чтобы мы раздетые не убежали, а нас всех 80 человек

запрятали в другой вагон. Вагон был товарный, после выгрузки извести. Все стены и пол были в извести. Нам было очень тесно. Нас было 80 человек, и мы могли ехать только стоя. В вагоне был поставлен простой товарный ящик, который был нашей парашей.

Все пленные были истощённые, поэтому часто мочились и часто оправлялись по большой нужде. А оправлялись почти все поносом. Сражу же весь пол в вагоне стал сырым от мочи, а моча смешалась с остатками извести. Мы были без обуви, и эта жидкая смесь разъедала ноги. Кроме этого, к этой жидкой смеси присоединились жидкие каловые массы. Муки были неописуемые. Немцы под предлогом того, что у нас были попытки к побегам, на трёх станциях нас обстреляли, дали по нашему вагону по несколько очередей из автоматов. Убили 4-х человек и 7 человек ранили. Трупы всё время были с нами в вагоне до места нашего назначения. Перевязка раненым не делалась, так всё время раны и кровоточили. Три дня нас не кормили и давали ограниченное количество воды. Так мы и ехали три дня до пресловутой Германии в одних кальсонах, холодные, голодные и все испачканные в моче, кале и извести.

Одели нас только перед въездом в Германию. Здесь нас выстроили, выдали одежду и покормили. Были вынесены и трупы из вагона. Здесь впервые перевязали и раненых. Нас и разместили по 40 человек в оба вагона.

Наконец-то нас привезли к месту назначения в город Фюрстенберг и поместили в лагерь, где были военнопленные разных национальностей: американцы, англичане, румыны, поляки, итальянцы, русские и другие. Все по национальностям и жили в отдельных и разных секциях. Все пленные, кроме русских и итальянцев, жили в удовлетворительных условиях.

Условия жизни у русских и итальянцев были самые отрывательные. Все пленные *других национальностей* полу-

чали регулярно раз, два в месяц посылки через Красный Крест. Кроме этого, получали посылки от своих родственников и письма получали тоже. Русские и итальянцы никаких посылок и никаких весточек от родственников не получали. Нас били без всяких поводов и сажали в карцеры. Нас, русских, никто не защищал. Мы были рабами и *подопытными* животными. У всех остальных пленных были официальные представители – посредники между пленными и немцами. Эти посредники разбирали все происходящие недоразумения между своими пленными и немцами. Англичане и американцы жили, как говорится, припеваючи, часто пели, плясали. Играли на музыкальных инструментах. Занимались регулярно гимнастикой, играли в футбол и другие игры. Питались достаточно и часто совершенно не пользовались немецким питанием. Мы, *русские*, были голодные как волки.

Рядом с нами жили американцы, и вот они иногда в знак доброты собирали у себя в лагере окурки сигарет для нас. Окурки собирали в железные банки, насыпали в банки пепел для тяжести и кидали к нам, русским, в наши секции. Многие русские, теряя чувство собственного достоинства и брезгливость, пользовались этой добротой своих союзников и курили. Иногда даже бросались на эти банки с окурками и устраивали потасовки между собою, а американцы смотрели и смеялись над нами. Да, капиталисты есть капиталисты, сытый голодного не разумеет.

Жизнь русских пленных в этом лагере была ещё значительно тяжелее, чем в предыдущих лагерях. Я чувствовал себя так плохо, что еле таскал ноги. У меня начались отёки, отекали ноги, лицо, и началась водянка живота. Кроме этого, у меня чаще стали повторяться приступы желчнокаменной болезни. Раньше у меня были приступы раз в 2 месяца, а теперь стали чаще. А как меня мучили эти приступы болей – теперь прямо с ужасом их вспоминаю. Как правило, эти приступы бывают ночью. Ходить в казармах ночью запреща-

ется. Лежать на голых нарах, не двигаясь, было совершенно невозможно, было нетерпимо больно, так как я представлял человека только с кожей и костями, какого-то «кощея». Болеутоляющих средств никаких нет, о грелке и думать нечего было, а также и о горячей воде. Часто не бывало даже простой питьевой воды. А приступы часто продолжались не только ночью, а целый день.

Дважды лежал я в этом лагере в лазарете. В лазарете нашёлся пожилой врач грузин Алибегашвили М. П. Он принял близкое участие ко мне и положил на лечение. Я сначала был на положении *только* больного, а потом месяца два был на положении больного и работал санитаром. В лазарет русских военнопленных иногда приносили баланду – ту, которую иногда не хотели есть пленные американцы и англичане.

В этом лагере я стал вязать перчатки и носки. В лагерь прибыли капитулированные итальянцы. Прибыли они хорошо обмундированными. На них были и вязаные джемперы. Немцы их раздели и выдали им старое немецкое обмундирование. На складах работали наши русские пленные. Надо сказать, что вся грязная и тяжёлая работа везде, в том числе и в секциях, где жили американцы и другие пленные, выполнялась нашими русскими пленными. Ещё хочется сказать, что мы были подлинно рабами.

На складах наши пленные воровали итальянские джемперы и приносили в лагерь. Мы распускали их и вязали, в основном, перчатки. Вязали изготовленными иглами из проволоки или сделанными деревянными крючками. Вязали перчатки красивые, особенно в области резинки, сочетая разные цвета. Связанные вещи посылали с пленными, идущими в город на работу. Пленные, взявшие перчатки или другие какие-либо вещи, передавали их конвоирам-немцам, конвоиры отдавали своим знакомым немцам, которые их продавали. Каждому нужно было заработать. Сколько же доставалось нам? Ведь мы были основными претендентами на

получение заработка. Мы были и то очень довольны, если получали небольшой кусок хлеба или несколько картошек.

Забегая вперед, хочу сказать, что я в следующих лагерях стал делать уже игрушки. Из игрушек больше всего делал курочек на важкё. Эти игрушки состояли из фанерки с ручкой (*важок*). На фанерке приделывали трех курочек и петушка. Курочки и петушок при движении важкё начинали поочередно «клевать». Игрушки *получались* красивые, и у детей в Германии пользовались успехом, а немцы, надо сказать, очень любят детей. Одновременно делал колечки из трубок. Хотя они были и медные, но немцы их тоже покупали.

Умирать не хотелось, надо было бороться за жизнь. В жизни я рос и учился без родителей, и в университете учился в тяжёлое время, в голодные годы, в начале двадцатых годов, и тоже мне никто не помогал. Вообще *до войны* я прошёл большую жизненную школу. Это мне помогло приспособиться к жизни и благодаря этому, надо сказать, я и перенёс такой тяжёлый плен и остался жив.

Хочу ещё остановиться на случае, имевшем место в этом лагере с русскими военнопленными врачами. Действительно, только варвары немцы могли так действовать. Как-то в лагерь в секцию, где в основном сидели русские пленные врачи, приходят два немецких врача и заявляют, что они нам сделают противобрюшно-тифозные прививки. Причём сразу нам объявили, чтобы мы неделю никуда не заходили, ни в какие другие помещения, где сидят другие пленные. Тут же сделали нам, тридцати врачам, уколы в ягодицы. Первые три дня через 2 часа днём нам измеряли температуру. Через день делали исследования крови и мочи. Немецкие врачи никогда к нам не заходили в секцию, а тут — каждый день, иногда даже два раза в день заходят. У многих поднималась высокая температура, в том числе у меня, первые два-три дня. У всех появилась головная боль, а у некоторых были рвота и понос. У половины врачей появилась на теле сыпь.

Конечно, мы не сомневались, что на нас немецкие врачи проводят какой-то опыт, на нас – товарищах по профессии. Почему они выбрали нас – вполне понятно: кто, кроме врачей, может рассказать и объяснить о всех реакциях и осложнениях, могущих быть после прививок? Нас сделали *подопытными* животными. Мы были очень возмущены и негодовали на немецких врачей; но что сделаешь в плену. В плену мы, русские пленные, были *бесправными рабами*.

В начале 1944 года немцы выстроили русских военнопленных врачей и отобрали 10 *человек* пожилого возраста, которым было свыше 40 лет. В том числе отобрали и меня, и заявили нам, что они нас отправляют на работу в лагеря русских гражданских пленных.

Недели через две меня и ещё одного отобранного врача отправили в один из лагерей, которой был на окраине Берлина. Через пять дней нас увезли в Берлин в какую-то немецкую комендатуру, которая ведала русскими гражданскими пленными. Привезли нас сюда – и я смотрю, около этого дома, где помещается эта немецкая комендатура, много русских гражданских пленных, и среди них – преимущественно женщины и особенно девицы. Все одеты в комбинезоны, исхудалые, невесёлые, а некоторые плачут. А в самом помещении то и дело раздаются крики и стоны. Я подумал, что мне тоже несдобровать, тоже будет порка, так как на работу в гражданские лагеря я не дал согласие и теперь не соглашусь.

Почему они спрашивают наше желание, они ведь могут и так нас отправлять куда угодно? Значит, тут что-то немцы затевают, и надо быть осторожным. Когда меня уводили из лагеря, товарищи по плену, несмотря на то, что они меня почти не знали, дали мне буханку хлеба. Для меня это было что-то особенное, но в этом лагере было так принято делать при проводах товарищей.

Хлеб я теперь тут же съел с расчётом, что хоть буду сытый, если будут пороть. Дошла очередь и до меня. Я захожу в кабинет, где сидит молодой красивый, стройный немецкий офицер. Офицер прекрасно владеет русским языком. У меня сложилось впечатление, что он из русских эмигрантов. Думаю, как это *так можно*, чтобы такой видный офицер, русский по крови, так деспотично ведёт себя с нашими пленными? Начинает меня расспрашивать и говорит, что мы, *мол*, Вас отправим в лагерь русских гражданских пленных. Я отвечаю, что я не могу туда поехать: я военнопленный, я в Красной армии принимал присягу и не могу её нарушать. Я об этом заявлял раньше в лагере, но с моим нежеланием считаться не стали. Я себе представлял, что немцы под разными подобными предложениями могут запугать меня, могут отправить и во власовскую армию, и могут предпринять что-либо другое. От них всё можно было ожидать. Офицер начал сердиться, кричать на меня, и дальше я ожидал, что побьёт меня. Оказалось, не так. Офицер говорит: «На что Вы похожи, посмотрите на себя в зеркало. Вам осталось жить считаное время. Вы и теперь уже похожи на покойника. Вы хороший хирург, и с большим стажем, и мы Вас хотим сохранить. В гражданских лагерях вопрос и с питанием будет лучше».

Я молчу, а сам думаю: вот теперь и будет мордобойство. Но он меня бить не стал, по-видимому, ему меня бить, как он выразился, похожего на покойника, просто было бесчеловечно, и он, к моему удивлению, даже изменился *в отношении* ко мне. Кричать больше не стал и даже принял участие в устройстве меня в лагерь русских военнопленных на медицинскую работу. Он в три лагеря военнопленных звонил при мне по телефону и справлялся у начальников лагерей, нет ли у них свободного места для врача. Ему везде ответили, что врачи есть. Тогда он начальнику одного из лагерей позвонил снова и приказал меня определить на работу в ревер (санчасть).

Когда меня привели в этот лагерь, а он тоже был на окраине Берлина, начальник лагеря, фельдфебель, не хотел *меня* принимать, говорит, что это не врач, а какой-то оборванец, какой-то мертвец. И первое, что он назначил, – отправил меня в вошебойку.

Лагерь, куда меня привели, *был* небольшой, на 80 военнопленных. Военнопленные выглядели здесь несколько лучше, чем в других лагерях, где я был *раньше*.

Военнопленные работали по ремонту автобусов. Таскают с работы краски, резину, фанеру и из этого делают игрушки, тапки и т. п. Потом я тоже с ними стал делать игрушки. Сразу меня в лагере все пленные обступили, стали расспрашивать о событиях, происходящих на фронтах. Узнали, что я врач, и были очень довольны, что их я полечу теперь. Тут же меня накормили, и накормили так, как я не ел не знаю уже сколько времени, и я сидя заснул. Все разошлись, а я спал, наверно, часа три, пока не пришли немцы и не разбудили меня. Немцам я сказал, что я заболел. Старшим в реви́ре был русский военнопленный фельдшер. Фельдшер был моего возраста, человек был порядочный и ко мне относился хорошо. Я был на положении санитаря. Фельдшер распределил работу так, что я не один только занимался уборкой помещения, но убирал и он, чередуясь со мной. Что же касается больных, то они, понятно, больше шли на приём ко мне, но он не обижался на это и не мешал этому.

В Берлине в это время почти каждый день были налёты американских бомбардировщиков. Налёты были массированными и, как правило, ночные. Часто нас не выводили в бомбоубежища. Может, не успевали выводить, а может, просто и не хотели. Переживаний у нас было много, а главное, не удавалось спать, а работать нужно было.

В этом лагере я встретился с попами. Оказывается, здесь, в лагерях Берлина и в его окрестностях, попы ходили и для русских военнопленных проводили богослужения. Попы

молодые, выходцы из русских военнопленных. Приходили в лагерь с нагруженными чемоданам, наполненными всем необходимым для моления. Надевали рясы. Были Евангелия и кресты.

Среди пленных находились желающие молиться, но их было мало, считанные единицы. Немцы к попам требовали уважения, но это не получалось со стороны пленных.

С русскими полицейскими у меня и в этом лагере опять были нелады. Они то и дело следили за мной. Может быть, немцы их и заставляли делать слежку в отношении меня. Немцы из Пскова мне дали такую аттестацию, что ко мне во всех лагерях, где я был *потом*, немцы *ко мне* относились подозрительно и на врачебную работу не ставили. Полицейские доказали, что мы освобождаем много военнопленных от работы.

И вот в один день после утреннего приёма выстроили освобождённых военнопленных, а их было 8 человек, и меня с ними, и повели в немецкий госпиталь на проверку на предмет правильности освобождения от работы. Проверяли пленных 2 молодых немецких врача. Они встретили нас улыбающимися, и я подумал, что, может быть, всё обойдётся благополучно. По-немецки я с ними объясняться не мог, а переводчика не было. Мне помогла в этом отношении медицинская латинская терминология. Я ещё застал то время, когда у нас среди старых врачей принято было многие латинские выражения применять в нашей медицинской практике и иногда даже целые предложения. Все врачи, разных национальностей, этой терминологией пользуются. Правда, наши молодые врачи стали забывать это. Вот я и стал с ними таким образом изъясняться.

Немецким врачам это понравилось, и они охотно со мной таким образом изъяснялись и не очень-то ко мне придирались в отношении освобождённых пленных от работы. Всё же половину, четырёх освобождённых пленных, признали годными к работе.

На следующий день меня из этого лагеря отправляют в другой лагерь, тоже на окраине Берлина, но только с более строгим режимом.

В этом лагере военнопленные были набраны по ремонту железнодорожного оборудования — это был железнодорожный лагерь. В лагере были пленные только русские. Дисциплина была суровая. Военнопленные часто подвергались наказаниям.

Сначала я был просто прикреплен к санчасти. Старшим был молодой фельдшер. Потом меня сделали старшим по санчасти, но ненадолго. Меня и здесь не полюбили русские полицейские и особенно старший полицейский, который под предлогом, что у нас было маленькое зеркало, каждый день ходил к нам бриться, а сам все наблюдал за нашей работой. Помню как теперь, в лагере среди военнопленных много было хороших русских патриотов из офицеров, рабочих, инженеров и других. Мы часто собирались в санчасти. Сюда приходили к нам товарищи под предлогом, как больные, до работы утром и после работы вечером. Собирались и обсуждали разные вопросы. Многие из пленных были связаны с немцами, работающими на нас, на русских. Мы получали русские газеты. Нас информировали о боях на фронтах. Нам давали географические карты, по которым мы ориентировались о событиях на фронтах. Нас ориентировали по целому ряду и политических вопросов. Впоследствии многие из товарищей очень пострадали, некоторые были арестованы, а некоторые отправлены в штрафные лагеря, а некоторые просто исчезли не известно куда.

В отношении меня полицейские сделали так, что меня немцы заставили ходить на все проверки, тогда как другие санитарные работники были освобождены от многих проверок.

Раз ночью немцы с русскими полицейскими врываются к нам в санчасть и производят обыск. При обыске со стен

отрывают наглядные пособия, а обои срывают целыми полосами. Перешуровали всё, даже имеющиеся медикаменты, в том числе таблетки, – и те не оставили в покое. Проверяли всякие коробки. Подозрительного ничего не нашли, при обыске у меня взяли фотокарточку, где я был сфотографирован с женою и дочкою. Взяли ремень и котелок. Ничего не сделаешь. Хозяева Европы, им всё разрешается.

На следующий день пленные узнали о всём случившемся. Сделали мне хороший котелок и принесли к нам в санчасть и вручили его торжественно мне, как подарок. Принесли мне и ремень, и ремень даже *был* кожаный.

После обыска немцы моё обмундирование покрасили фосфором. Сделали широкие фосфорные лампасы, как у генералов, на брюках с обеих сторон сделали фосфорные полосы, на шинели и на гимнастёрке, начиная от ворота, по наружной поверхности рукава до кистей. Нарисовали что-то похожее на полосы и на пилотке. Это было сделано *для того* чтобы я, если вздумал убежать ночью, был *бы* замечен для немецкого лагерного караула. Ночью во время бомбёжек иногда нас выводили в убежища за пределы лагеря, я и подобные мне, крашенные фосфором пленные, светились, как светлячки.

Прошло дней пять после обыска. Мне фельдшер и говорит: «Жалко нам вас всех, но полицейские говорят, что завтра вас отправят в штрафной лагерь». Смотрю, мне пленные принесли несколько немецких марок и буханку хлеба.

Утром весь лагерь выстраивают, отбирают восемь человек, в том числе и меня, и отправляют нас в штрафной лагерь, лагерь этот тоже был на окраине Берлина в местечке Вустермарк. Что этот лагерь из себя представлял, думаю, говорит само его название. Режим был весьма и весьма суровый. Били, наказывали, издевались неимоверно больше, чем в других лагерях, в которых я был до этого.

В лагере нас было 130 человек. Работать заставляли. Я был отёчный, и особенно у меня были отёчные ноги. До-

статочно было поднять брюки и показать голени, и на работу меня не посылали. Оставляли работать в лагере для использования на всякие внутрилагерные работы. С другими освобождёнными пленными я подметал территорию, топил печки, убирал уборные и т. п. Я ослаб, а рассчитывать на улучшение здоровья не было никаких данных. Наши войска в это время подходили к Германии. Я хватался за мысль, думая, что вот-вот Германия капитулирует, жить хочется, хочется увидеть Родину, семью. Хочется вновь работать на пользу народа.

И вдруг у меня в моей лагерной жизни происходят существенные благоприятные для меня изменения. Мой сосед по нарам фельдшер стал работать по выгрузке зерна. Он ежедневно ходил на работу и ежедневно стал носить в котелке рожь. Как это он умудрялся делать, не знаю. Раз он приносит небольшой лист железа и пивную бутылку и говорит: вот Вам орудие, которым Вы будете растирать зерно. Я каждый день к его приходу с работы рожь подсушивал на железном листе на печке, а бутылкой её растирал. Из растёртой ржи в котелке варили похлёбку, и были оба очень довольны. Месяца полтора мы так питались, а затем на работе мой товарищ прихватил у немца пакет с картошкой, его посадили в карцер, и на этом наше блаженство кончилось.

Наши войска всё наступали и двигались всё вперед и вперед. Наша авиация стала всё чаще и чаще налетать на Берлин и его окрестности. Нас каждого теперь преследовала мысль *о том*, как не хочется погибать от своих русских, а это возможно. Но что делать, всё может быть. Американцы тоже продолжали массированные налёты своих бомбардировщиков. Думаю, что теперь немцы поняли и почувствовали «капут», как они в этих случаях говорят. Лагерная стража стала ещё злее и ещё хуже стала к нам относиться. Каждый из нас невольно думал, а что с нами сделают немцы, когда наши войска будут близко. Разве эти деспоты, потерявшие совесть,

разум и человеческие чувства, оставят нас в живых? Мысли эти не давали нам покоя и назойливо беспокоили нас всё время. Меня тоже беспокоили эти мысли.

Как-то раз я решил оставить о себе в плену какую-нибудь записочку, память с расчётом, что, может быть, кто-нибудь прочтает записку обо мне и сообщит моей семье, что я был в плену.

Я подошёл к окну в бараке и на одном белом косяке написал химическим карандашом: «здесь в 1944 году мучился в плену в штрафном лагере Попов П. П. из Кинешмы Ивановской области».

В дальнейшем, когда я был уже освобождён из плена и снова был на фронте, наш 217-й пехотный полк был участником берлинских боёв и взятия Берлина и как раз занимал участок, где были бараки этого штрафного лагеря.

Я нашёл мою записку на окне, и мои товарищи, теперь уже по полку, со мной вместе вспоминали и переживали те тяжёлые времена плена, которые я и другие пленные перенесли в эту войну.

В начале апреля 1945 года штрафной лагерь расформировали, и нас решили эвакуировать, но куда, так до сих пор и оставалось неизвестным. Я думаю, что немцы хотели лагерь эвакуировать ближе к американским войскам, а может, хотели нас передать в одни из лагерей смерти: в Бухенвальд, Освенцим и другие.

В одно утро нас выстроили и объявили, что нас эвакуируют, и чтобы мы дорогой вели себя дисциплинированно, а то при любых недоразумениях они будут нас расстреливать.

Вот так нас и повели неведомо куда. *Тех*, кто по дороге отставал, тут же при нас пристреливали. Вели четыре дня. Дорогой нас всё время бомбила наша авиация, и среди нас были потери.

На четвёртый день нас завели в лес и расположили в проволочной изгороди, изготовленной, видимо, для выгона ско-

та, решили нас покормить горячей пищей. Пока готовили пищу, низко и много стало летать наших самолётов, и наконец стала слышна пулемётная стрельба. До этого отдалённая артиллерийская канонада слышалась все последние дни. Ясно, что где-то близко находятся наши войска. Затем видим, что немцы по дорогам, которые идут по направлению к нам, уже бегут. Начальника нашего лагеря бегущие немцы предупреждают, что русские близко. Начальник отдаёт команде и нам приказ уходить. От орудийной канонады лагерные лошади разбежались по лесу, и их трудно было поймать, а вдобавок охрана у нас была из старых ополченцев. Пока команда ловила лошадей, справа по дороге вышел большой танк. Танк остановился. Чей танк показался, наш или немецкий, — неизвестно. Танк сначала постоял, а потом открыл по нам из крупнокалиберного пулемёта стрельбу. Сразу среди пленных появились крики. Я решил, что, если я здесь буду лежать, меня убьют. Я пополз к немцам. Немцы лежали около дороги в канаве. Укрытие хорошее. Протеста со стороны немцев нет, и я заполз в канаву, и за мной, смотрю, поползли и многие другие пленные. Кто лежал в канаве, остался жив.

А танкисты всё бьют и бьют из пулемёта. В это время выскочил один из наших полицейских и по опушке леса побежал к танку. Добрался до танка и танкистам сообщил, что *здесь* лежат наши русские военнопленные. Танкисты, конечно, не знали, что это русские военнопленные, и решить им было это трудно, так как почти все пленные были одеты в немецкую форму. Пленные успели износить за время плена свою русскую форму. Стрельба была прекращена, и танк подошёл к нам. Танкисты выскочили из танка и сразу к нам побежали. Началась трогательная товарищеская встреча. Танкисты спрашивают, откуда мы, нет ли земляков? Угощают нас папиросами, дают хлеб. Словом, эту встречу не забудешь всю жизнь. И вдруг в это время слева по другой дороге показались наши войска. Наши ехали на лошадях, велосипе-

дах, шли пешком. Среди наших, судя по одежде, много было партизан. Подъезжают и подходят к нам, и тут же опять происходят трогательные товарищеские встречи. Тут и слёзы, тут и радость. Немецкую охрану наши солдаты почти тут же всю забрали. Скрылись из немцев немногие. Немецкий офицер, начальник лагеря, подходит к нашему майору, отдаёт пистолет и рапортует. В свою очередь майор отдаёт нам приказ идти в тыл, не помню теперь, до какого города, пройти нужно было около 40 километров.

Пока это всё происходило, мы, врачи, а нас в штрафном лагере было четыре врача, оказывали первую помощь раненым, а раненых было порядочно, человек 15. Были и убитые. Наши пленные не растерялись, залезли на немецкие повозки и тут же вытащили продукты и нашли вино. Все голодные, а тут много продуктов, стали с жадностью есть. Я тоже поел вместе со всеми и вместе выпил вина, наверное, около 50 граммов.

Затем все вместе двинулись по указанному нам маршруту. Мне было очень трудно идти, силы не было. Пленные ко мне здесь проявили заботу. Нашли мне велосипед, а дороги в Германии были очень хорошие, и я поехал на велосипеде.

Кстати, надо сказать, что в Германии на велосипеде все ездят, и малые и старые. Ездят старухи в 70–80 лет. Дороги везде асфальтированные, а поэтому велосипед *был* там самый распространённый и доступный транспорт.

Всё время, пока мы двигались по указанному пути, а здесь по этим дорогам шли и небольшие наши военные соединения, немцы всё время простреливали дороги и особенно простреливали населённые пункты. Поэтому в населённых пунктах останавливаться было совершенно нельзя, было опасно.

Мы оказались далеко в тылу немецких войск. Наши войска прорвались в тыл противника, рейдировали. Далеко ли прорвались, нам не известно. Вот поэтому то нас наши рус-

ские войска так быстро и неожиданно освободили из плена. Двигаться быстро мы не могли, у всех нас не *было* силы, но и задерживаться нам было нельзя, так как немцы *не давали* покоя. Артиллерия и миномёты простреливали дорогу всё время, появляются танки, местами немцы бьют из пулемётов. Жители быстро убежали из своих домов, оставили всё имущество. В некоторых домах оставили даже на столах чашки с кофе, бутерброды и недопитое вино.

Наконец настало время, и мы добрались до указанного пункта. Нас поместили в школу, и здесь началась проверка. Среди нас оказались офицеры, которые в плену скрыли свои фамилии, звания и числились солдатами. Оказались работники и особого отдела, и другие. Со мною рядом лежал подполковник – работник особого отдела, числящийся у немцев тоже солдатом. Мы были друзьями, но я об этом не знал до момента нашего освобождения из плена.

Поскольку мы были у немцев в штрафном лагере, к нам отношение, как к пленным, было иное, так как всё же без причин нас немцы не запрятали бы в штрафной лагерь. Нас здесь не задержали. Около сорока человек сразу взяли в армию и отправили на фронт. Войска наши тогда уже вели наступательные операции в Германии. Остальных военнопленных, бывших с нами вместе, а их, наверно, осталось человек сорок, тоже отправили куда-то, но по другим назначениям.

Меня направили в 217-й стрелковый полк врачом. Я был истощённый, отёчный и ходил с трудом, словом, был доходяга, но я понимал, что я – врач, хирург, и очень нужен на войне. Мало этого, я должен был реабилитировать себя за то, что я был в плену.

В плену я был в очень тяжёлых условиях. Много было всего пережито. Много пережил разных неприятностей, бед и издевательств и не раз был на грани смерти. Всё это время вспоминается с ужасом.

Вот прошло тридцать лет с начала войны, а меня до сих пор беспокоят кошмарные сны. Будто бы меня окружают, забирают в плен, ведут на расстрел и т. п.

Очень обидно, какое было после войны отношение к нам, бывшим пленным. Сталинская политика – а он заявлял: «у нас нет пленных» – была бесчеловечна. Нас унижали, а порой оскорбляли. За что? Казалось бы, вот возьмём, к примеру, меня.

Я за свою жизнь был участником пяти войн. Ведь это о чём-то говорит? Я был участником ещё Первой империалистической войны (германской), окончил военное училище и был офицером. Затем вспыхнула Гражданская война, и я в 1918 году был призван в ряды Красной армии и почти всю войну был на Северном фронте. Был командиром, командовал ротой, батальоном, а после ранения в 1920 году был помощником начальника Северо-Двинского территориального округа.

Затем в 1927 году окончил университет и был опять призван врачом в Красную армию в Польскую и Финскую военные кампании. И, наконец, вот теперь был участником этой Отечественной войны.

За Гражданскую войну я награждён боевым орденом Красного Знамени.

В конце 1945 года был демобилизован.

«Светить всегда, светить везде...»

Вера Юрьевна Васькина,
внучка Петра Прокопьевича Попова,
г. Воскресенск Московской области

Пётр Прокопьевич Попов – знаменитый кинешемский хирург, преподаватель фельдшерско-акушерской школы, организатор кинешемской службы переливания крови и участник Великой Отечественной войны.

Родился дедушка 20 декабря 1897 г. в селе Шолга Никольского уезда Вологодской области (сейчас – Подосиновский район Кировской области. – *Сост.*).

Специфический вологодский говор остался у него на всю жизнь. Память о моём дедушке Петре Прокопьевиче ограничивается моими детскими воспоминаниями. Когда не стало дедушки, мне было 6 лет. Я не понимала, что случилось, и думала, что всё скоро закончится и дедушка опять станет живым. Детский разум не хотел верить, что дедушки больше нет.

Дедушка мне заполнился очень высоким, подтянутым, очень аккуратным. Он уже не работал, а свободное время посвящал работе в саду. Он был очень требовательным, но при этом – и очень добрым и многое прощал, много времени уделял занятиям со мной, научил меня читать. Я с детства знала, что у моего дедушки есть родственники, жившие в Кичменгском Городке. В нашей семье часто обсуждался вопрос

о поездке, но даже племянницы дедушки отговаривали нас от поездки из-за плохой дороги.

Я не помню, чтоб кто-то рассказывал про родителей дедушки. Во всех документах и автобиографии Пётр Прокопьевич писал, что отец его был сельским учителем. На многие годы это оставалось тайной для всех. Моя бабушка Нина Измайловна Попова знала правду, но рассказала её только после смерти мужа, когда в стране изменилось отношение к церкви.

Только тогда я узнала, что мой прадед Прокопий Михайлович был священником, был расстрелян карательным отрядом, а его дети Пётр и Николай были свидетелями расстрела и что они просили перезахоронить отца на сельском кладбище. Скрывать своё прошлое приходилось из-за боязни за свою семью. Отец – священник, учился в Павловском военном училище, а затем попал в фашистский плен. Только за один из этих фактов биографии можно было угодить в лагерь всей семье.

После расстрела отца у Петра Прокопьевича изменилось отношение к Богу. Он не был ярым безбожником, но не носил креста и не ходил в церковь, хотя очень хорошо знал молитвы и порядок богослужения. Он не мог простить гибель отца, он считал его очень светлым и порядочным человеком, отдавшим всю свою жизнь служению Богу. Он считал несправедливым, что Бог ему не помог.

Дедушка говорил в семье, что сила духа помогла ему выжить в фашистском плену, на что моя прабабушка Екатерина Васильевна Кокарева отвечала, показывая рукой наверх: «Петя, знаем, кто за тебя там молился и просил у Бога заступничества».

Читая книгу воспоминаний «Моё пленение», поверишь в её слова. Когда жизнь висела на волоске, всегда приходил на помощь человек, который помогал выжить. Про канонизацию Прокопия Михайловича мы узнали совсем недавно.

Пётр Прокопьевич отличался невероятной порядочностью и чувством справедливости. Он рано остался сиротой, за ним присматривала бабушка, отец много работал. В детстве Пётр был страшным хулиганом, сначала плохо учился. В школе он сидел на последней парте, где сидели все хулиганы. Учителя были недовольны поведением мальчика, он тайно менял таблички на калошах преподавателей, устраивал маленькие диверсии. Плохая успеваемость, плохое поведение очень расстраивали отца. Учился в гимназии в Великом Устюге, он познакомился с девочкой, дочерью адвоката. Она стала расспрашивать о Томе Сойере и какие книги он читал. Пётр не смог ответить, ему стало стыдно за своё невежество. Задумавшись, он решил круто изменить свою жизнь. Он стал считать, какое место в классе занимает по успеваемости. Пётр стал много заниматься и читать, постепенно поднимаясь вверх по списку успеваемости. Окончил школу вторым учеником. Патриотически воспитанный, он после окончания гимназии поступил в Павловское военное училище.

Участвуя в боевых действиях и видя смерть, Пётр Прокопьевич понял, что его призвание – это медицина. Он не мог убивать людей, хотя был очень решительным человеком, прекрасно владел оружием.

Учился Пётр Прокопьевич сразу на двух факультетах: химико-фармацевтическом и медицинском. Трудно было прожить без поддержки близких, поэтому получать две стипендии стало способом выжить. После окончания 2-го Медицинского института в Москве был направлен на работу во Владимирскую область, затем в город Кинешму Ивановской области, где и проработал всю жизнь, выбрав самую трудную профессию – хирургию. Работая хирургом, он выполнял различные операции и на сердце, и на желудке, удалял опухоли. Отпуск брал исключительно зимой. На свои средства уезжал в Москву и посещал ведущие клиники для освоения новых видов лечения и операций.

Вот один пример из его практики. Пришла телефонограмма из Заборской участковой больницы, привезли больного с травмой головы. Его состояние с каждым часом ухудшалось. Наступил паралич лицевого нерва, правой руки, потеря речи. Не было возможности переправить больного до ближайшей больницы, где могли бы оказать квалифицированную хирургическую помощь. Раненый мог не перенести транспортировки. Сорок километров пришлось хирургу Попову преодолеть по осенней распутице ночью. Осмотрев больного, он установил, что произошло: открытый перелом черепа, сдавление мозга, нужна немедленная операция. Сорок минут шла операция в условиях сельской больницы, без опытных ассистентов, без соответствующих условий. Через полтора месяца больного выписали из больницы. И таких примеров было множество.

Попов брался за любые операции, когда отказывались другие хирурги. И если был хоть один шанс выжить, врач давал его пострадавшим. После войны Пётр Прокопьевич помогал людям вернуть лицо. После тяжёлых ранений проводил операции по восстановлению носа, костей лица. Внешность человека изменялась, пациент избавлялся от внешнего уродства.

Отдельный рассказ – это плен. Невозможно в рамках небольшого сообщения рассказать всё, что произошло с доктором Поповым в плену. Главное, что сохранил мой дед, – это человеческое достоинство и мужество: они помогли выжить в аду фашистского плена. Свои воспоминания он оставил потомкам, написав книгу «Моё пленение».

Работа и учёба не сделали из врача сурового человека. Он всегда был очень весёлым и артистичным, душой компании. Вокруг него всегда собирались интересные люди. В Шолге участвовал в театральном кружке, учась в военном училище, был распорядителем танцевальных мероприятий. Получив прекрасное воспитание, отличался своими манерами.

В. Ю. Васькина рассказывает о П. П. Попове

Будучи пожилым, с больной ногой, не мог себе позволить сидеть, если дама стояла. Очень красиво ел и нас заставлял соблюдать этикет. Никто не слышал от дедушки ни одного нецензурного слова.

Все мы родом из детства. Правильные ориентиры мы получаем в семье. Как и понятия, что такое хорошо и что такое плохо. А дальше всё зависит от самого человека.

Попов Пётр Прокопьевич много перенёс в своей жизни, но остался человеком с большой буквы: выдержанным, интеллигентным, высококультурным – настоящим примером служения своему делу.

Доктор Пётр Прокопьевич Попов.
Нити нашей памяти
(Отрывок из статьи)

*Светлана Касаткина,
журналист, г. Кинешма*

Пётр Прокопьевич Попов родился 20 декабря 1897 года в селе Шолга Никольского уезда Вологодской области (современный Подосиновский район Кировской области). Его отец – священник, протоиерей Прокопий Михайлович Попов – был расстрелян без суда и следствия карательным отрядом на глазах сына 13 октября 1918 года. О расстреле отца Прокопия очевидцы рассказывали: «Из деревни было согнано много народа. Могила было приказано вырыть самому батюшке. При первом выстреле “пли” он упал на колени, а не в могилу, второй выстрел отправил его в могилу. Отец Прокопий был зарыт без гроба, на окраине села, вблизи реки Юг. Сыновья протоиерея ходатайствовали перед властями о перезахоронении отца на кладбище».

8 августа 2000 года протоиерей Прокопий Попов был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. По словам дочери Татьяны Петровны, отец её, Петр Прокопьевич, был абсолютно неверующим, отказался от веры: так был потрясён увиденным.

Жена Прокопия умерла, когда сыну Петру исполнилось семь лет. Ребёнок он был сложный, хулиганистый, отец рас-

страивался, что в гимназии сын учился плохо и поведения был бойкого. Однажды Петя познакомился с девочкой, которая, разговаривая с ним, спрашивала: «А Вы читали это, а Вы читали то?» Ему стало стыдно, что он ничего не читал и не знал. После этого стал заниматься. Сидел он за последней партой, потому что был самым плохим учеником, но по мере успехов его пересаживали вперед. А закончил гимназию с серебряной медалью!

После гимназии Пётр Попов поступил в Павловское военное училище, стал офицером. Во время революции оказался в Сибирском полку. Однажды его отправили с поручением, а когда он вернулся, полка уже не было. Солдаты разбежались, офицеры ушли к Колчаку. Он приехал домой, там его направили служить в милицию, чтобы готовил красноармейцев.

Пётр участвовал в Гражданской войне. Воевал в Северодвинском военном округе. Был ранен. После госпиталя у него окончательно созрело желание оставить военную службу и стать врачом. Он говорил: «Военная служба мне очень не нравилась, я не мог убивать». За участие в Гражданской войне позже (в 1967 году) был отмечен орденом Красного Знамени.

В 1927 году окончил 2-й медицинский университет в Москве. Его послали работать во Владимирскую область, в начале 1930-х годов приехал в Кинешму, выиграв конкурс на замещение должности врача-хирурга. Он был способным врачом, оперировал блестяще. Постоянно раз в год ездил в Москву и стажировался у своих коллег в клиниках, присутствовал на операциях.

Пётр Прокопьевич любил свою специальность безумно, никогда не отказывался ехать на вызов ночью, в любое время приходил на помощь. Его дочь отмечала, что он очень берёт свои руки: маникюр делал сам, ни одной заусеницы. Любил работать в саду, но до земли не дотрагивался: надевал двое

перчаток – боялся поранить руки. Работа для него была всё. На его операционном столе за сорок лет работы побывало около десяти тысяч человек.

В 1940 году П. П. Попов был призван в ряды Красной армии, участвовал в Финской войне. В 1941 году воевал в Прибалтике. В своих воспоминаниях написал о трагических событиях – нахождении в немецком плену.

В начале апреля 1945 года советские войска освободили узников из фашистского плена. Поскольку пленные были в штрафном лагере, их сразу направили в действующую армию. П. П. Попову вернули звание – майор медицинской службы. Участвовал во взятии Берлина. Награждён медалями «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны Пётр Попов вернулся в Кинешму и продолжил работать в больнице. В 1961 году назначен заведующим отделением переливания крови. В 1967 году за хорошую организацию работы и за перевыполнение плана по безвозмездному донорству ему была объявлена благодарность.

Занимался преподавательской и общественной работой: возглавлял городское научно-медицинское общество, организовывал медицинские конференции для врачей, вёл занятия по хирургии в Кинешемском медицинском училище. За самоотверженный, добросовестный труд Министерство здравоохранения наградило Петра Прокопьевича значком «Отличнику здравоохранения» (СССР). Замечательный лектор П. П. Попов являлся членом общества «Знание».

Многие спасённые Поповым в плену воины разыскивали его, приезжали в Кинешму, чтобы ещё раз поблагодарить. Один из них Минин – жил после войны в Ленинграде, П. П. Попов его оперировал в лагере. Минин совершил побег, его вывели на расстрел, немцы выстрелили и ушли, а он оказался жив, пуля попала ему в голову, но не пробила. Попов ему сделал операцию, и тот выжил. После войны они

переписывались. Минин прожил долгую жизнь, у него были сын и дочь.

В 1967 году в Кинешме побывал бывший лётчик Пётр Яковлевич Топчий. В 1942 году, выполнив боевое задание, он возвращался к своему аэродрому и был сбит. В тяжёлом состоянии лётчика доставили в лагерь военнопленных под Псковом. С ним изрядно пришлось повозиться, но хирург Попов поставил его на ноги. Шансов выжить у него по-прежнему было немного. Попов и тут ему оказал спасительную помощь: сделал своим помощником. Вместе они спасали наших людей от смерти, непосильного труда и отправки в другие концлагеря. После войны они потеряли друг друга из вида и встретились через 20 лет. П. Я. Топчий нашёл хирурга Попова и приехал в Кинешму выразить ему благодарность.

Сегодня уже мало кто в Кинешме помнит хирурга Попова, но его имя не должно кануть в Лету. Этот человек был удивительной стойкости и смелости. Его дочь отмечала: «Папа был очень честный, хитрости в нём никакой никогда не было. Видел в людях всё хорошее. Смелый духом человек. Специальности своей посвятил всю жизнь. В плену много спас людей».

Среди этих спасённых был и мой родственник Иван Михайлович Третьяков.

*«Приволжская правда». 2022.
19 августа. № 33*

**Пётр Прокопьевич Попов –
преподаватель фельдшерско-акушерской
школы, знаменитый хирург –
организатор кинешемской службы крови
и участник Великой Отечественной войны**
(Отрывок из доклада)

*Наталья Тютникова (Менендес),
врач, г. Кинешма*

Пётр Прокопьевич Попов – знаменитый кинешемский хирург и участник Великой Отечественной войны. После окончания медицинского института работал в 1-й городской больнице г. Кинешмы хирургом. С 1930 г., с самого начала основания медтехникума (более позднее название – Кинешемская фельдшерско-акушерская школа), преподавал хирургию в этом учебном заведении. С 1955 г. школа переименована в училище, а с 2012 г. училище – в медицинский колледж. По воспоминаниям нашего известного врача Н. Ф. Крылова, в довоенные годы до мобилизации на фронт Пётр Прокопьевич работал заведующим хирургическим отделением 1-й городской больницы (ныне ЦРБ). Его назначили на эту должность после отъезда заведующего хирургией Ивана Ивановича Корчёмкина. Кроме этого, Пётр Прокопьевич ещё до войны был одним из лучших специалистов по переливанию крови. В довоенные годы в хирургии было вы-

делено специальное помещение для переливания крови, где кровь бралась и сразу же переливалась больным. Для этих целей Пётр Прокопьевич обучил средний медицинский персонал, работавший с ним.

Пётр Прокопьевич был мобилизован на фронт в 1941 году. Он попал на Ленинградский фронт в самом начале войны, когда шли ожесточённые бои под Ленинградом. О событиях периода войны узнаём из воспоминаний М. Юрлова, сохранившиеся в Кинешемском городском архиве, копия этого документа есть в музее Кинешемского медицинского колледжа. В документе говорится, что корпус, в котором служил Пётр Прокопьевич вместе с другими медиками-кинешемцами, попал в окружение. В конце сентября наши бойцы стали пробиваться из окружения маленькими группами, а медиков с ранеными разместили в ближайших селениях. Среди оставленных медиков был и Пётр Прокопьевич Попов. Пётр Прокопьевич был тяжело ранен. Из воспоминаний Юрлова: «Выручил Попова бывший кинешемский парикмахер Захар Борисович Пипкин. Сам тщедушный, еле державшийся на ногах от голода, Пипкин таскал на спине могучую фигуру Петра Прокопьевича. И не только носил врача Попова, но и подкармливал его: разыскивал трупы убитых и павших лошадей, вырезал из них куски мяса и варил в солдатской каске». Окружение сжималось, и медсанбат был обнаружен немцами. Сопротивляться было невозможно, ведь на руках у медсанбатовцев были сотни раненых.

Сначала Пётр Прокопьевич попал в лазарет военнопленных в городе Луга, а затем был перевезён в Псков. Немного подлечившись, он становится помощником хирурга, а затем главным хирургом лазарета. В воспоминаниях М. Юрлова говорится: «Условия для лечения в лазарете были ужасны. Лечение было примитивное. Не было ни перевязочного материала, ни лекарств. Перевязывали бумажными бинтами. Кроме того, вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В лазаре-

те лежало по четыреста и более человек. Потом покойников уже было так много, что немцы для захоронения создали так называемую капут-команду. Во дворе лазарета была выкопана большая могила, всё время увеличивающаяся в ширину. Наложат покойников, закопают и вновь расширяют для следующего дня».

Особенно ужасным было положение в лагере военнопленных около Пскова. Этот лагерь пленные и население называли «Окаянные кресты». Пленные голодали. Позднее Пётр Прокопьевич рассказывал Юрлову, что сам видел, как два военнопленных врача сварили в кружке крысу и тут же съели. По его воспоминаниям, «с голоду люди ели человеческие трупы. Вырезали куски мяса, главным образом, из ягодиц, варили и ели».

На почве голода у больных появлялись отёки, поносы, частое мочеиспускание и даже помутнение рассудка. Фашисты издевались над пленными, а особенно над такими больными. Падающих от истощения больных даже зимой заставляли заниматься гимнастикой и били их. Но всё-таки в лазарете выжить было легче, чем в лагере, поэтому медики старались больных держать здесь подольше.

Из воспоминаний М. Юрлова мы узнаём о том, как Пётр Прокопьевич, сам будучи военнопленным, старался помогать другим. Своё положение главного хирурга Попов использовал для облегчения участи и спасения жизни советских военнопленных. Осторожно подбирал он себе надёжных помощников. Старшим фельдшером стал лейтенант коммунист П. Я. Топчий Донецкой области Украины. Санитарами были тоже коммунисты – М. Решетов и К. Гуськов, а медсёстры были комсомолками. Этот коллектив советских патриотов делал всё возможное, чтобы помочь несчастным военнопленным. В лазарете врач умудрялся подкармливать своих пациентов, а главное, сроки лечения растягивал как можно дольше, ведь это избавляло людей от непосильной

работы, от побоев, издевательств, от расстрелов, от угона в Германию.

Врачу удавалось задерживать своих пациентов в лазарете. А для этого, пишет в своих записках М. Юрлов, приходилось лечить «наоборот», делать даже ненужные, малотравматичные операции и манипуляции: «Иногда врач объявлял, что у больного сыпной тиф или другая какая заразная болезнь. Некоторых больных, особенно офицеров, задерживали в лазарете по несколько месяцев просто без всяких показаний. На убежавших составлялись списки как на умерших. Так, благодаря врачу Попову и его коллективу медработников, удалось на долгое время задержать в лазарете кинешемцев Ивана Третьякова, Анатолия Шарыгина и других».

В конце концов немцы раскрыли методы лечения врача, так называемую искусную хирургию Петра Прокопьевича Попова. Его самого отправляют в Литву в концентрационный лагерь для офицеров, а его пациентов повезли в Германию. Перед отправкой Петру Прокопьевичу надели деревянные колодки.

Вот как описывает М. Юрлов пребывание врача в лагере: «Условия жизни в офицерском лагере были, как и во всех лагерях советских военнопленных, отвратительные. Сто двадцать граммов «хлеба» — эрзаца из деревянных опилок, смешанных с какой-то дрянью, и жидкая баланда из мучных высевок. Голод, тиф и постоянные расстрелы были уделом пленников».

В ноябре 1943 года пленных, в том числе и Петра Прокопьевича, отправили из офицерского лагеря в Германию. В воспоминаниях описывается жестокость и бесчеловечность фашистского режима: «При отправке немцы ещё раз показали свою изощрённость в издевательствах. Восемьдесят пленных подвели к двум товарным вагонам и раздели догола, чтобы не убежали. А на улице стоял ноябрьский холод. В один вагон из-под извести втиснули людей, а в другой — их

одежду. Так и ехали медики нагишом, стоя впритирку, четверо с половиной суток. За время пути ни разу не кормили. На трёх станциях вагоны обстреливали из пулемётов – “профилактика” от побегов. Двенадцать человек было убито».

Пётр Прокопьевич за время плена был в нескольких лагерях для военнопленных. Везде были муки голода, издевательства и побои. Пришлось ему побывать и в штрафном лагере для советских военнопленных. Здесь фашисты превратили пленных в подопытных животных. Пленным, особенно медикам, делали какие-то прививки, результаты проверяли, исследовали. Несколько человек от этих прививок умерли, среди них были четыре врача.

Из фашистского плена Пётр Прокопьевич Попов был освобождён в начале апреля 1945 года советскими войсками вместе с другими узниками концлагеря. После войны был реабилитирован и награждён медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многочисленными юбилейными медалями.

После окончания войны Пётр Прокопьевич снова возвращается в Кинешму на работу в больницу, но заведующим в отделение хирургии его не поставили, так как пребывание в плену делало невозможным работу на этом посту. Он занимается организацией переливания крови в больнице, которая позднее стала «Службой крови». В послевоенные годы в ЦРБ открылось отделение переливания крови. В 1967 г. для него выделили отдельное здание на территории больницы. Пётр Прокопьевич набирает и обучает для этой цели персонал. Его надёжной помощницей в этом новом деле была опытная хирургическая сестра Александра Сергеевна Носкова, которая работала вместе с ним. Потребность в крови для медицины города возрастает, и Пётр Прокопьевич организует донорские дни непосредственно на предприятиях города, а также в Кинешемском районе в колхозах и совхозах. Отделение переливания крови постепенно становится служ-

П. П. Попов с сотрудниками отделения переливания крови

бой, обеспечивающей не только потребность города в крови и плазме, но и восполняющей потребности области.

Не расстаётся Пётр Прокопьевич и с преподавательской деятельностью. Дружит со многими врачами, с которыми начинал с основания медтехникума. В музее колледжа хранится письмо, присланное в 1960 г. П. П. Попову из Шуи от Нила Ивановича Мамонтова – бывшего заведующего учебной частью. В письме Н. И. Мамонтов даёт сведения к 30-летию юбилею учебного заведения. На многих фотографиях выпускных групп, не только в 1930-е гг., но и в 1950-е, и 1960-е гг., мы видим Петра Прокопьевича среди учеников.

С Петром Прокопьевичем Поповым мне довелось познакомиться, когда в 1973 году я начинала работу в отделении переливания крови в ЦРБ. Это был одновременно и очень скромный человек, не любивший рассказывать о своём трудном и героическом прошлом, и в то же время очень требова-

тельный в профессиональном плане врач. Уже не работая, будучи на пенсии, он постоянно приходил в отделение, наблюдал за работой сотрудников, особенно молодых медсестёр. Незабываемая фраза: «Операция на копеечку – мажешь (т. е. обрабатываешь. – *Примеч. авт.*) на рублик». Строго следил, всё ли правильно выполняет операционная – боксовая – сестра. А вот в неформальном общении он был душой компании. В любой праздник спешил к месту своей прошлой работы, чтобы поздравить «своих девочек». К отделению переливания крови Пётр Прокопьевич относился с особой любовью, ведь это было его детище.

Сегодня, открывая для себя всё новые страницы из его жизни, удивляешься тому, как человек, вынесший все ужасы фашистского плена, мог оставаться таким выдержанным, интеллигентным, высококультурным – настоящим примером служения своему делу для всех людей и, в первую очередь, для медицинских работников.

Священномученик Прокопий Михайлович Попов

*Составитель:
Нина Афанасьевна Боровская*

Протоиерей Шолгской Троицкой церкви Прокопий Михайлович Попов родился в 1864 году в селе Спасское Лапшинской волости Никольского уезда Вологодской губернии. Сын священника Михаила Кузьмича и его жены Марии Фоминичны. В семье были ещё два сына – Павел и Александр – и дочь Анна. Образование получил в Никольском духовном училище и Вологодской духовной семинарии, которую окончил в 1884 году в первом разряде. Выпускникам семинарии, окончившим курс обучения в первом разряде, присваивалось звание студента. По окончании семинарии в 1884 году назначен надзирателем Вологодского духовного училища. К Шолгской Троицкой церкви определён в священники в декабре 1885 года, 15 января 1886 года рукоположен в сан священника.

В своём служении Алтарю Господню отец Прокопий нёс множество церковно-общественных послушаний. Он был законоучителем женского училища, двукратно депутатом по училищным делам, сначала помощником, а затем и благочинным 5-го округа Никольского уезда с 17 сентября 1901 года по 3 ноября 1917 года.

Преподавал Закон (Божий) в Александринском одноклассном земском училище в селе Шолга и был попечителем Княщинского земского училища.

*Протоиерей
Прокопий Михайлович Попов*

В 1890 году при Шолгском Троицком приходе была открыта библиотека для бесплатной раздачи прихожанам книг для домашнего чтения. Это была первая библиотека на территории современного Подосиновского района Кировской области.

Труды отца Прокопия по устройению церковной и общественной жизни своего благочиния высоко ценило епархиальное начальство. 6 августа 1917 года священник Прокопий Попов был возведён в сан протоиерея, а до этого награждён тёмно-бронзовой медалью и знаком Палестинского общества. За 25-летнее служение в должности законоучителя о. Прокопий был награждён орденом Святой Анны 3-й степени.

Вдов с 1905 года. Четверо детей – на обучении и службе, старшая в замужестве. Всего два раза был в отпуске (1894 и 1896 гг.).

27 апреля 1918 года на третьем крестьянском съезде на протоиерея Прокопия Попова была наложена контрибуция, как на представителя эксплуатирующего класса, в размере семи тысяч рублей, которую требовали взыскать немедленно.

По свидетельству очевидцев, протоиерей Троицкой церкви Прокопий Попов был расстрелян 30 сентября (13 октября) 1918 года карательным отрядом по подозрению в контрреволюции.

Последняя подпись Прокопия Попова в Метрической книге Троицкой церкви за август 1918 года. Место расстрела и захоронения неизвестно.

На Архиерейском соборе 2000 года был канонизирован. День памяти священномученика Прокопия Пресвитера по православному церковному календарю отмечается 13 октября (н. ст.).

Список использованных источников

1. Карандашева Т. К. Соученики Николая Глубоковского по Никольскому духовному училищу, служившие по духовному ведомству. В сб.: Кичменгский край: Материалы Глубоковских чтений. Вып. 6. – Кичменгский Городок, 2023. – С. 120–121.

2. Протоиерей Прокопий Попов – первый в округе библиотекарь и душ божьих лекарь. / Сост. Л. А. Нагаева. – Подосиновец, 2012. – С. 8.

3. Собор вятских святых. – Вятка, 2013. – С. 24.

4. Суетина М. А. О священномучениках Подосиновского района. // Кичменгский край. Материалы Глубоковских чтений. – Вып. 3. – Кичменгский Городок, 2016. – С. 116–122.

*Прокопий Михайлович
Попов
в молодости*

*Александра Алексеевна
Попова (Лосева),
жена П.М. Попова*

*Софья Прокопьевна
Попова*

*Пётр (справа)
с сестрой Марией
и братом Николаем*

Из истории семьи протоиерея Шолгской Троицкой церкви Прокопия Михайловича Попова

*Мария Анатольевна Мариева,
член Подосиновского общества
изучения родного края, с. Шолга*

Прокопий Михайлович Попов – священник храма в селе Шолга Плесовской волости Никольского уезда Вологодской губернии (территория современного Подосиновского района Кировской области) был женат на Александре Алексеевне (в девичестве Лосевой) родом из Рязанской губернии. За Прокопия её сосватал дядя Лосев Пётр Леонтьевич, ректор Вологодской духовной семинарии. Когда и где проходило венчание, пока неизвестно.

У Прокопия Михайловича Попова и его законной жены было девять детей.

Первым ребёнком в их семье была Юлия (род. 24.03.1887), через неделю после рождения девочка умерла от «родимца».

Дочь Софья родилась 15.06.1888 года. Восприемниками (или как мы сейчас говорим – крёстными) были крестьянин д. Юкляева Яков Иванович Шерстков – отец Антонины Яковлевны Колотиловой (в будущем основателя и первого руководителя Северного русского народного хора, народной артистки РФ) и жена приходского дьякона Клавдия Васильевна Попова. Софья училась в Устюжской женской гимназии с 1898 по 1904 годы. С 1 по 3 класс училась в первом

разряде, все последующие – во втором. Софья Прокопьевна вышла замуж за священника Спасо-Преображенской церкви села Кичменгский Городок Павла Аристарховича Круглова. В семье у них с Павлом Аристарховичем было восемь детей: Серафим, Лидия, Александра, Любовь, Вера, Валентина, Надежда и Геннадий. Софья Прокопьевна умерла в возрасте 75 лет 24 июля 1963 года. По словам её правнука Николая Николаевича Пьянкова, похоронена на кладбище села Кичменгский Городок.

Третья дочь Лидия родилась 11.01.1890 года. Восприемники – приходский дьякон Григорий Дмитриевич Попов и помощница учителя земского училища Мария Алексеевна Алексеева. Лидия умерла в 1907 году в возрасте 17 лет от порока сердца.

Четвёртым, 09.03.1892, родился сын Николай. Восприемники – Михаил Платонович Соколов, священник Шасской Васильевской церкви в д. Обradoво (сейчас Великоустюгский район Вологодской области), и крестьянская жена Анна Ивановна Ивановская из д. Прость, что в пяти километрах от села Шолга, жена Василия Ивановича Ивановского, торгующего по 2-ой гильдии крестьянина, на чьи деньги был написан холодный храм Шолгской Троицкой церкви.

Николай Попов с 1901 по 1906 гг. был учеником Устюжского духовного училища, по его окончании был переведён в 1 класс Вологодской духовной семинарии во втором разряде. Он дважды, в 1906–1907 и в 1911–1912 учебных годах, обучаясь в Вологодской духовной семинарии, из-за «малоуспешности» был оставлен на повторный курс. В 1914 году по окончании полного курса учения выпускается из семинарии во втором разряде. В 1917 году Николай обучается в Киевском коммерческом институте и находится на содержании отца. 27 августа 1919 года Николай Прокопьевич Попов сочетался браком с дочерью 2-го священника Шолгской Троицкой церкви Иннокентия Александровича Яхлакова –

Анной Иннокентьевной Яхлаковой (род. 13.01.1897). В данных Подосиновского ЗАГСа за 1919 год за № 22 указаны род занятий брачующихся: невесты – учительство, жениха – свободная профессия. В 1917 году Анна Иннокентьевна учительствовала в Никольском уезде, но где именно, неизвестно. Во время Великой Отечественной войны работала учителем в Шолге.

Из рассказа Пономаревой Нины Васильевны, 1919 года рождения (записано автором в начале 1990-х гг.):

«Анна Иннокентьевна очень любила поповского сына, который сильно болел. Но она говорила: “Хоть день, да с ним поживу”. Тогда я не понимала, о ком идёт речь. Сейчас я знаю, что речь шла о сыне Прокопия Попова Николае. По словам родных, Николай сильно болел и поэтому рано умер. Где он умер и похоронен, неизвестно. Сама Анна Иннокентьевна тоже прожила недолгую жизнь: умерла в 1944 году, похоронена у церковной стены со стороны алтаря на шолгском кладбище рядом со вторым мужем Пономарёвым Михаилом Рафаиловичем, умершем в 1943 году от ран».

18.09.1893 года в семье Поповых родилась дочь Мария. Восприемники – приходской священник Василий Константинович Попов и псаломническая дочь Ираида Александровна Яхлакова. Мария Попова училась в Устюжском епархиальном женском училище в течение шести лет с 1904 по 1910 год, была первой ученицей и по окончании полного курса была уволена из училища в первом разряде с наградой – книгой.

Вера Юрьевна Широкова, правнучка Прокопия Попова, рассказала, что Мария вышла замуж за еврея Зиновия (фамилия в замужестве Гунтмахер или Гонтмахер) и через какое-то время эмигрировала в Австралию. Связь с сестрой у деда (Петра Прокопьевича) была прервана, т. к. его вызывали в вышестоящие органы и, скорее всего, заставили отказать от общения.

Шестым ребёнком был Феодосий (род. 28.02.1896), он умер во младенчестве.

20.12.1897 года в семье Поповых родился седьмой по счёту ребёнок, которого называли Петром, восприемниками были дьякон Утмановской Николаевской церкви Никольского уезда Александр Михайлов Попов (брат Прокопия Михайловича Попова. – *Примеч. авт.*) и мать его, священническая вдова Мария Фоминична Попова.

В 1908 году Пётр Попов находится в списке учеников Устюжского духовного училища, заканчивает обучение во 2-м разряде и в 1913 году по окончании полного курса училища переводится в 1 класс Вологодской духовной семинарии, где учится также во 2-м разряде. В 1917 году Пётр состоит на военной службе офицером.

В рукописных мемуарах под названием «Моё пленение», написанных им в 1972 году, он так рассказал о себе: «Я за свою жизнь был участником пяти войн. В Первую империалистическую (германскую) окончил военное училище и был офицером. Затем вспыхнула Гражданская война, и я был призван в ряды Красной армии и почти всю войну был на Северном фронте. Был командиром: командовал ротой, батальоном, а после ранения в 1920 году был помощником начальника Северо-Двинского территориального округа. Затем в 1927 году окончил университет и врачом был призван опять в Польскую и Финскую военные кампании. И наконец, вот теперь был участником этой Отечественной войны».

В первые дни войны в составе медсанбата был отправлен на Ленинградский фронт. Попал в окружение, потом плен, лагеря. В апреле 1945 года советские войска освободили военнопленных из штрафного лагеря, и он был направлен в 217-й стрелковый полк врачом. «Я понимал, что врач, хирург нужен на войне. Мало того, я должен был реабилитировать себя за то, что был в плену», – писал он в мемуарах.

После войны Пётр Прокопьевич Попов работал в г. Кинешме Ивановской области, был известным хирургом, преподавал в медицинском техникуме, был заведующим отделением переливания крови.

Умер Пётр Прокопьевич Попов 31 июля 1976 года, похоронен в г. Кинешме.

Восьмым ребёнком в семье Прокопия Михайловича и Александры Алексеевны была Валентина (род. 20.05.1900), умерла во младенчестве

Последним, девятым, ребёнком в семье Поповых был Пантелеймон. Но и этот ребёнок умер в возрасте 1 года 11 месяцев.

8 апреля 1905 года умерла от брюшного тифа жена Прокопия Михайловича Попова Александра Алексеевна в возрасте 41 года. Похоронена на приходском кладбище. После смерти Александры Алексеевны в Шолгу приезжает мать Прокопия – Мария Фоминична Попова. Она занималась хозяйством. Вера Юрьевна Широкова-Васькина рассказывала, что её дед, Пётр Прокопьевич Попов, которому на момент смерти матери было всего семь лет, вспоминал экономку Марию Фоминичну. Мария Фоминична Попова умерла 13 сентября 1917 года в возрасте 72 лет от паралича. Погребена на приходском кладбище.

Надгробная плита Александры Алексеевны Поповой, которую хотели найти правнуки Прокопия Попова на кладбище с. Шолга летом 2022 года, была найдена местными краеведами (автором статьи в том числе) в Дмитриевскую родительскую субботу 5 ноября того же года. На гранитной плите хорошо сохранилась надпись: «Помяни, Господи, душу усопшей рабы твоей! Здесь покоится тело жены священника Александры Алексеевны Поповой, умершей 8 апреля 1905 г. на 42 году от рождения».

Удары судьбы не сломили П. М. Попова: после смерти четверых детей в младенчестве и смерти жены, а также

*Надгробная плита
на могиле А. А. Поповой
на кладбище с. Шолга*

смерти ещё одной взрослой дочери, он даёт достойное образование Марии, Николаю и Петру.

Протоиерей Шолгской Троицкой церкви Прокопий Михайлович Попов был расстрелян 13 октября 1918 года. Существует несколько версий его расстрела. Вот одна из них.

В материалах школьного краеведческого музея с. Шолга автором статьи были обнаружены воспоминания бывшего ученика Шолгской школы Угрюмова Германа Семёновича, уроженца д. Искрино:

«Я учился в с. Шолга в 1917–1918 гг. Двухэтажное здание в самом селе Шолга и за речкой Касторкой – зелёное здание (потом это здание было покрашено в синий цвет и его называли «синяя школа». – *Примеч. авт.*). По предмету Закон Божий учил поп отец Прокопий, которого расстреляли после революции в 1918 году осенью в октябре месяце на присаде (место у реки, заливаемое в половодье водой. – *Примеч. авт.*) у реки Юг напротив ветпункта. Приезжали на пароходе из Устюга, карательный отряд...».

Место захоронения Прокопия Попова до сих пор неизвестно.

В августе 2000 года протоиерей Прокопий Михайлович Попов был причислен Архиерейским собором Русской православной церкви к лику священномучеников. В 2023 году исполнилось 105 лет со дня его расстрела.

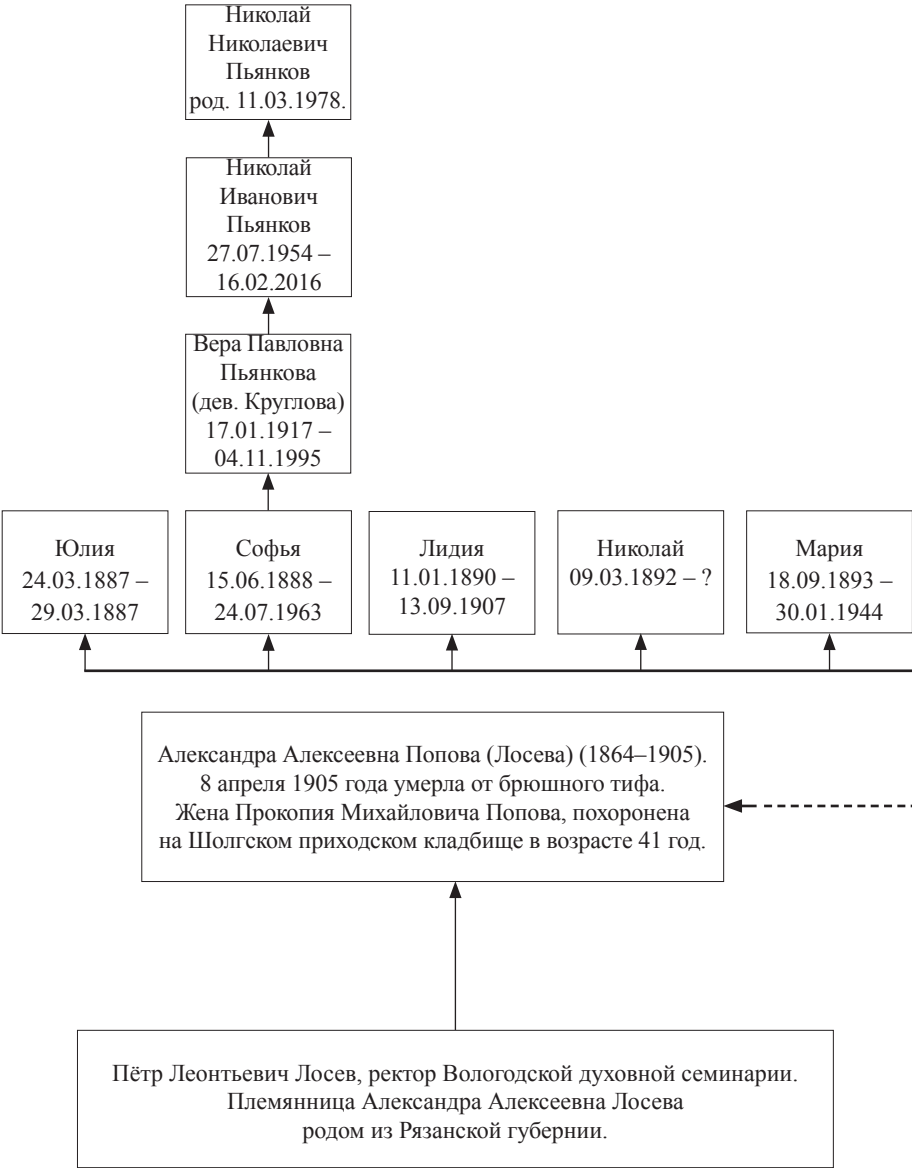
Я. А. Коменский писал: «Лучшее наследие, которое человечество может оставить миру, – сохранение семейных уз. Беспорядок в обществе является беспорядком в семейной жизни».

Радует, что потомки протоиерея Прокопия Попова нашлись через много лет, интересуются историей семьи. Надеемся, что с их помощью откроются новые страницы из жизни семьи Прокопия Михайловича Попова.

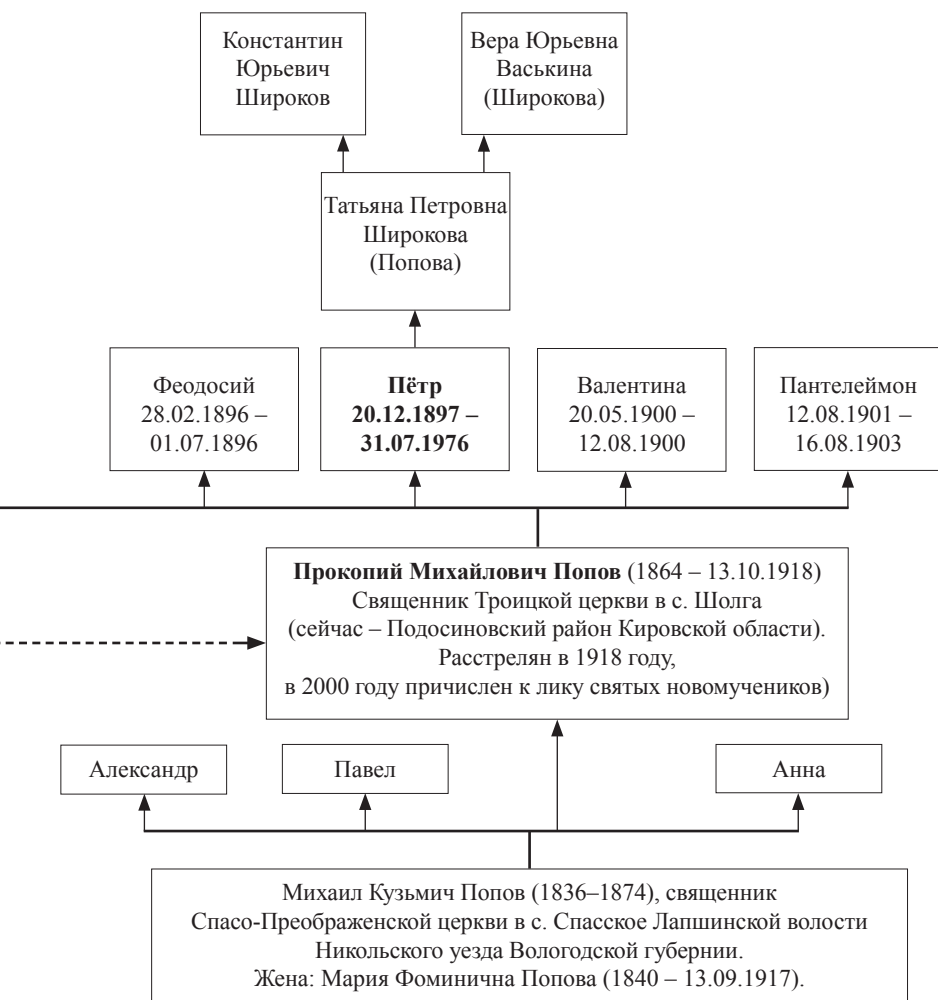
Список использованных источников

1. Вологодские епархиальные ведомости 1864–1918 годов.
2. Клировая ведомость Шолгской Троицкой церкви за 1917 год.
3. Материалы Подосиновского отдела ЗАГС по Плесовской волости за 1919 год.
4. Метрические книги Шолгской Троицкой церкви 1885–1918 годов.
5. Попов П. П. Моё пленение. Мемуары. Машинопись. Кинешма, 1972.
6. Угрюмов Г. С. Воспоминания. Фонд Шолгского краеведческого музея.
7. Фотографии из архива семьи Широковых, Пьянковых.

**Генеалогическое древо
Прокопия Михайловича Попова
(частичное)**

Составитель: *Николай Николаевич Пьянков*,
праправнук Прокопия Михайловича Попова

Научно-популярное издание

Пётр Попов:
достойно жить в любые времена...
Сборник воспоминаний

Составитель – Нина Афанасьевна Боровская,
заместитель директора по библиотечной работе
МКУК «Подосиновская МБС»

Ответственный за выпуск:
О. Н. Савинцева, директор МКУК «Подосиновская МБС»

Вёрстка – М. В. Литова, А. А. Татаринова
Оформление обложки – А. К. Долгова

На обложке: репродукция картины «Церковь в Шолге»
В. Ушаковой, народного художника РФ, г. Киров

МКУК «Подосиновская МБС»
613930, Кировская обл., пгт Подосиновец, ул. Тестова, 10.
Тел./факс: +7 (83351) 2-16-32. E-mail: biblfileva@mail.ru.
www.podosinovetsmbs.ru

Местная православная религиозная организация
«Приход храма Рождества Пресвятой Богородицы
поселка Подосиновец Яранской Епархии»
613930 Кировская обл., пгт Подосиновец, ул. Набережная, 42.
Настоятель – протоиерей Константин Симаков
Тел.: +7 (83351) 2-21-35

КОГБУК «КОУНБ им. А. И. Герцена».
610000, г. Киров, ул. Герцена, 50.
Тел. +7 (8332) 76-17-26. E-mail: izdat@herzenlib.ru

Подписано в печать 27.03.2024. Формат 60×84/16. Тираж 300 экз.
Усл. печ. л. 4,65. Заказ №

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «Кировская областная типография»
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2в
www.printkirov.ru